

Вторая История про Юлю Первую*

Константин Боровков

Моим детям

1 Начало

— Приключения, вот ещё, — ворчливо пробурчала себе под нос Юля. — Подумашь, приключения... Мне миллион потратить до утра надо!

Она с недовольным видом собрала в стопку свои газетные вырезки, сгребла с пола карандаши и пошла к себе в комнату. В дверях она остановилась, посмотрела на свой живот, потом на часы — и спросила: «А мы уже ужинали?» На животе была майка, а на часах без четверти десять — время, к которому она уже давно должна была быть в постели. Юля всегда старалась оттянуть этот момент, а в этот вечер у нее была уважительная причина: домашнее задание. Учитель предложил каждому ученику потратить (но только мысленно) ровно миллион долларов и отчитаться, как это было сделано. Вот потому-то и вырезала Юля из газет и журналов рекламки с ценами домов, телевизоров, яхт, надувных крокодилов, клеток для кроликов и других необходимых вещей. Сказать правду, был бы у нее всамделишный миллион настоящих долларов — она потратила бы его совсем не так (а может, и вовсе не потратила бы). Но даже мысленно тратить столько денег было очень утомительно...

Юлю беспокоило еще вот что. Ведь надо было бы научить детей не столько как потратить, сколько как заработать (или уж, на худой конец, украсть) этот самый миллион. Однако об этом речи в их школе пока не было. Наверное, такой курс предлагался только в дорогих частных школах, причем за дополнительную плату.

А про приключения Юля бурчала потому, что ей сказали, что она давно уже не читала никаких приключенческих книжек. Прилипнуть к телевизору и просидеть пару часов, наблюдая за бесконечным бессмысленным мордобоем неутомимых американских киногероев или взвизгиванием дёрганных телевизионных ведущих с вытаращенными глазами — это ещё куда не шло. А читать, давать волю своему воображению — что-то не тянуло. Вот покушать — потянуло, и прямо сейчас.

— Н-не знаю, — неуверенно ответила мама на Юлин вопрос, не отрываясь от своего толстого учебника со странным названием (не то про глагол, не то про монгол), — спроси у холодильника... Ой, то-есть, открой холодильник и съешь что-нибудь. У меня завтра экзамен...

*Версия от 26/03/09.

Юля хмыкнула, недовольно поджала губы, уронила на пол свою ношу и пошла на кухню. Идти было недалеко, и не прошло и пяти минут, как она уже стояла около белой туши холодильника. «А нутка, что в тебе есть?» — пробормотала она и потянула на себя его здоровенную дверь. Та поддалась неожиданно легко и тут же распахнулась. Но вместо подсвеченных внутренней лампочкой желанных колбасы и сыра, Юля увидела шевелящуюся пелену Серого Тумана, который тут же начал вытекать из холодильника на кухонный пол. Вдруг из тумана вылетела небольшая консервная банка — она ударила Юлю в лоб и тут же отскочила обратно в серую мглу. Юля вззизгнула и сейчас же захлопнула дверцу. Слой серого тумана на полу дернулся как от боли и быстро исчез.

— Что случилось? — раздался из гостиной встревоженный мамин голос.

— Ничего, — выдавила из себя Юля, потирая ушибленное место. Она вся вспотела и часто-часто дышала от испуга. На самом деле Юля так никому ещё и не рассказала про свое первое приключение, которое тоже началось с появлением необыкновенного серого тумана. В любом случае, подставлять своих домашних под вылетающие из этого тумана консервные банки и подвергать их всяким прочим опасностям ей вовсе не хотелось.

— Но ты же закричала? — не унималась мама.

Юля быстро оглянулась по сторонам, увидела попугайчика Козю, топчуЩегося под потолком на палке для шторы, и сказала:

— Это Козя меня чуть не укусил!

От неожиданной напраслины Козя вскинул свой хохолок и чирикнул, но этого мама уже не услышала.

— Ну что же ты так! Он, наверное, спать хочет, вот и сердится когда его беспокоят, — донесся мамин голос из-за учебника, и все смолкло.

Юля потопталась ещё пару минут на кухне, но ни холодильник, ни шкаф открыть смелости у нее не хватило. Хорошо еще, что на столе лежали бананы. Взяв один, Юля с опаской откусила немного и тщательно прожевала. Выждав минуту и убедившись, что ничего не случилось, она доела фрукт, вздохнула и пошла чистить зубы. Ее карандаши и вырезки остались лежать кучкой на полу в коридоре.

2 Карандаши

Когда все в доме успокоилось и заснуло, попугай Козя досматривал свой второй сон про то, как он гоняет мячик по полу, и бледный лунный свет залил северные окна, в кучке карандашей произошло какое-то движение. Потянувшись всем грифелем, Красный Карандаш с хрустом согнул свою одеревеневшую за день поясницу и сел на лежащий рядом Ластик. Тот даже подпрыгнул и задрожал от негодования:

— Пардон! Да как вы посмели! Да я вас сотру!

— Ах, подумаешь, какие мы нежные, — проворчал карандаш. — Тут за день такую мозоль на грифеле натрешь, так тебя пальцами намнут, а ночью — и не расслабиться на мягкой мебели... — И он неохотно пересел на соседний предмет, но тут же вскочил как опшаренный и рассыпался в извинениях:

— Ой, простите, извините... Это я в темноте, по темноте своей, необразованности... Больше не буду...

— Ничего, голубчик, ничего, в другой раз, — прошипел в ответ этот предмет, оказавшийся Точилкой. Вокруг нее сразу опустело: все карандаши, как по команде, отползли от опасной соседки и зашептались между собой:

— Добро б просто точила... А то все больше грифель ломает. Крепишись, крепишись — а она все свое, ка-ак хрупнет, и нет его, сердешного... Вона, смотри, с желтым-то что сегодня сделала...

И действительно, на Желтый Карандаш было больно смотреть. За день он потерял не меньше пяти сантиметров лучшей своей части!

— Ребята! — закричал он писклявым голоском, вскакивая на дырокол, — доколе?! Что это за жизнь у нас? Рисуют нами, что хотят, нас не спрашивают! Если не получается — слюнявят или грызут нас за заднее место! А то и просто ломают! А когда мы устаем, крошимся в порошок или даже переламываемся от непомерных усилий, нас суют в пасть чудовища и затачивают заживо!

— А я не хочу, чтобы меня слюнявили... — вставил Синий Карандаш, когда желтый сделал паузу.

— Доколе?! — взвизгнул снова Жёлтый. — Мы — цвет изобразительного искусства! Мастера наброска! Мы не позволим!! Лучше смерть на помойке, чем это гнусное раскрашивание и бесконечная казнь на точилке! Ляжем грифелями на бумаге, а больше не будем!..

— Не слушайте желтого. Кто не рисует — тот не карандаш! Это провокатор! — прервал его вдруг чей-то густой спокойный голос.

— А я не хочу, чтобы меня слюнявили, — снова вставил Синий.

— А тебя никто и не слюнявит пока, не мельтеши, — сказал тот же голос, и в пятно лунного света вошел, поблескивая золотыми полосками на боках, остро отточенный простой Твердый Карандаш.

— А ты что высовываешься?! Что не в свои дела лезешь? — заверещал Жёлтый.

— Ты что — цветной? Тобой цыплят когда-нибудь раскрашивали? Чертыха дешевая! — и он даже треснул от негодования прямо у грифеля.

— Не надо передергивать, Жёлтый, — ответил Твердый Карандаш. — Мной тоже иногда тени накладывают...

— Твердым — тени? Фи, какая бесцветная глупость... — недоуменно сказала плоская мягкая Кисточка, оказавшаяся в той же куче карандашей.

— А я не хочу, чтобы меня слюнявили, — опять промямлил синий.

— Простите, а Вы, случайно, не акварельный? — заинтересовалась им тут же Кисточка.

— А вас, гражданочка, с вашей подмоченной репутацией, я попрошу не вмешиваться, — твердо сказал простой карандаш.

— И то верно, — согласно загудели цветные карандаши. — Раз нет у тебя внутри стержня — нечего тут... Ходют тут всякие, волосы с них падают...

— Ну и подумаешь! — обиделась Кисточка. — Да пока я облысею, вас уже триста раз до огрызка сточат!

— Мало на нас напастей, так тут еще мокрохвостая нам нашей же недолгой жизнью пеняет!! — взвился опять Жёлтый, — Доколе?!

— А я не хочу, чтобы меня слюнявили, — снова проканючил синий.

— Ну так что, ребята, мы не понимаем, без базара: на баррикады надо, что ли? — деловито поинтересовалась в один голос Красный и Коричневый Карандаши.

— Все на баррикады!! Ляжем там, где стоим! — выкрикнул желтый, и, помолчав, добавил: — Кто не с нами — тот против нас!

— Дров наломают... Ох, точить вас потом — не переточить, — мечтательно пробормотала Точилка вполголоса.

— Не слушайте желтого! — снова сказал твердо простой карандаш. — Это провокатор! Желтый цвет — цвет предательства!

— Да?! — удивился Коричневый Карандаш, — Надо же! А вот, скажем, коричневый цвет — он чего, извиняюсь, будет?

— Желтый цвет — императорский! — чуть не задохнулся от возмущения Желтый Карандаш, — Это цвет Будды, невежда!!

За всей этой шумихой никто и не заметил, как на кухне появилась и исчезла полоска света, как тихо приоткрылась и снова закрылась дверца холодильника. И поэтому все вздрогнули, когда вслед за уже привычным «А я не хочу, чтобы меня слюнявили» Синего Карандаша вдруг раздался незнакомый резкий голос:

— Не хочешь — и не надо! Сухим сгрызэм!

3 Первая встреча

Все замолчали и повернулись на звук этих скрипуче упавших слов. В дверях кухни, в призрачном лунном свете, стояли пять крепеньких помидорчиков. На кривых ножках, руки в боки, с наглыми и тупыми рожами. Все пятеро улыбнулись разом, как по команде — и в полумраке сверкнула холодная сталь острых кривых зубов.

— Эй, братва, тут все подо мной ходят! Стружка вся моя будет! — прохрипела, набычившись, Точилка.

— Подавись ты своей стружкой! Нужна она нам! — презрительно процедил Самый Мелкий Помидорчик. — Мы по-большому будем!

— Простите, я не расслышал: по большому или по-большевистски? — вежливо поинтересовался Красный Карандаш.

— Да по большому, по большому — не видишь, гавнюки они, — вполголоса объяснил ему коричневый.

— Так, — сказал Твердый Карандаш. — По-большому — это внешняя угроза. В баррикады не ложимся, строимся в засеки! — Золотые полоски по его бокам сверкнули как знаки воинского отличия, и все карандаши тут же признали его за военачальника. Твердый Карандаш любил читать исторические книги (точнее, такие книги читали иногда с ним в руках) и проводить (на бумаге) исторические параллели. Он вспомнил сейчас историю про Египетский поход Наполеона¹ и,

¹ В 1798-9 годах, тогда еще просто генерал Наполеон отправился в Египетский поход, дабы ударить по источникам богатства Великобритании, с которой Франция была в войне: он хотел захватить Египет и перекрыть пути в Индию. Заодно он прихватил с собой несколько человек ученых с тем, чтобы они обследовали Египет, описали его великое прошлое и унылое настоящее состояние, а также содействовали прогрессу и просвещению страны. И вот, в одной из схваток, когда французский отряд был окружён превосходящими силами противника, Наполеон скомановал: «Ослов и ученых в середину!» Это были те, кем он особенно дорожил в ту минуту...

пожалев об отсутствии в его войске ослов и ученых, тут же нашел им замену:

— Кисточку и Ластик в середину! — Карандаши со стуком образовали квадрат вокруг своей коробки с гордо восседающими на ней Ластиком и Кисточкой и грозно наклонились своими остриями наружу.

— Ребята, вас подточить? — угодливо поинтересовалась Точилка.

— Валяй, только по делу! — разрешил Твердый Карандаш, и не успели они оглянуться, как та уже обежала вокруг образованного карандашами каре, и кончики их грифелей стали острыми как иглы.

— Эка, ведь может же, если захочет, — удовлетворенно хмыкнул желтый.

— А ну, краснорожие, шли бы вы отсюда! — предложил помидорчикам Ластик.

— А ты подожди, гуттаперчивый мой, — сладко-вкрадчиво ответил самый мелкий из них, — Ты у нас на десерт пойдешь!

— Ладно, биться так биться! Выставляй поединника! — сказал как отрезал Твердый Карандаш.

Помидорчики пошептались между собой и отошли на кухню. Все замерло.

В стане карандашей все ждали помидорного поединника. Кого выставлять от себя, они еще не знали, но все надеялись на Твердого Карандаша. А тот замолчал и словно одеревенел. Вдруг на кухне что-то звякнуло, шмякнуло, потом хрюкнуло, и, наконец, стали слышны приближающиеся звуки «шик-шик-шик»...

— Идут, — негромко сказала Кисточка.

— Не идут, а едут! — раздалось из дверей, и в коридор въехал верхом на пластмассовой щетке для подбора мусора наибольший из помидорчиков. Щетка изгибалась дугой свою ручку и вообще старалась изо всех сил изображать из себя боевого коня. Главное отличие было в числе ног: щетка шустро перебирала — совсем как сороконожка — своими щетинками, и это они-то и производили эти звуки «шик-шик-шик». На голове помидорчика было ситечко для чая, а в руках он держал наперевес бамбуковую палочку для еды.

— Ну что, Буратинки, оробели? — рыкнул помидорчик со щетки. — Где же ваш поединник? С кем мне переломить копья? Кому обломать бока?

— Ай не хвались ты, отброс томатный, ягода недозрелая! Размету я по чисту ковру твои косточки-семечки мелкие! — выкрикнул в ответ Твердый Карандаш. Он был явно знаком и с древнерусскими былинами, вот только насчет чистоты ковра был перебор. Он вскочил верхом на Ластика и схватил в руки первый попавшийся цветной карандаш. Первым попался жёлтый. Он ничего не сказал, а только вытянулся в струнку и закрыл глаза от ужаса. Твердый Карандаш огrel им Ластика и закричал:

— Вперед, мой верный Резинант! Вперед, моя волчья сыть, травяной мешок! — наверное, было в его словах что-то магнетическое, потому что Ластик нисколько не возражал против такого обращения, а только набычился и в два прыжка вынес своего всадника прямо к помидорчику на щетке. Поединники смерили друг друга взглядом, скрежетнули зубами, разъехались в разные стороны и развернулись для сшибки.

С обеих сторон раздались подбадривающие возгласы.

— Раскатай по атомам эту решетку гексагональную! — заорали помидорчики, намекая на графитный стержень простого карандаша. — Чтоб он своим ластиком утерся!

— В помойное ведро этого тепличного недомерка! Поможем его же щетке туда его смести! Нечего тут гидропоникой заниматься!

— Только, пожалуйста, без крови, — попросила Кисточка, — и без томатного сока, если можно!

Междуд тем всадники горячили своих скакунов и готовились броситься друг на друга по первому же сигналу. Но его не было и не было.

— Сигнал дайте! Сигнал! — закричали вдруг они оба.

— На-а-а! — рявкнули в ответ зрители, и в то же мгновение поединщики устремились друг на друга.

4 Как кончилась эта ночь

— А-а-а-а! — кричал Твердый Карандаш, мчавшийся на Ластике, выставив вперед пикой остро отточенный желтый.

— Б-е-е-е-е! — орал дурным голосом Наибольший Помидорчик. Ситечко наехало ему на глаза, но он яростно бил пятками по бокам щетки и несся навстречу карандашу, потрясая бамбуковой палочкой.

— Ой, что щас будет! — ойкнула Кисточка, и все зрители, не выдержав, закрыли как по команде глаза руками.

Через пару секунд раздалось «Бум! Бах! Трах!» — и зрители открыли глаза. Они увидели лежащего в куче пыли на чайном ситечке помидорчика у одной стены и торчащего из противоположной Твердого Карандаша.

— Смазали! — охнул кто-то. — Давай по новой!

— По-вто-рить! По-вто-рить! — стали скандировать и карандаши, и помидорчики.

Но не успел Наибольший Помидорчик выкарабкаться из своего ситечка, а карандаш — вылезти из стены, как где-то в глубине дома что-то хрустнуло. Все замерли. Хруст повторился.

— Я знаю, что это, — тихо сказала Кисточка, — это Юля потянулась. Сейчас встанет и пойдет сюда...

Карандаши ахнули и бросились разбрасываться в прежний беспорядок. Помидорчики скривили рожицы и быстро отступили на кухню. Там опять появилась и исчезла полоска света.

— Синий, а синий! — позвал вдруг в темноте чей-то голос.

— Что? — сдавленно отозвался Синий Карандаш.

— А ты не хочешь, чтоб тебя послюнявили?

Все прыснули от смеха. А Синий Карандаш обиженно втянул грифель и отодвинулся к стене.

— Много вы понимаете, — пробормотал он. — Синий — это цвет моря, цвет неба... Это же размусолить как надо! — и он продолжал бы и дальше, но тут раздались шаркающие шаги, и он сейчас же замолк. Это была Юля. Она шла по коридору с закрытыми глазами и вытянув перед собой руки.

— Ой, раздавит... — еле слышно простонала Кисточка.

— Ничего, она босиком, — успокоил ее Ластик. — На меня уже не раз наступали. Ботинком на бетоне — больно, а когда босиком на ковре — только тонусу придает...

— и он поспешно замолчал, так как в это мгновение Юля остановилась и прислушалась. На улице что-то зашуршало. Наверное, это соседский кот спрыгнул с забора на сухие листья. Юля вздрогнула и поспешно потопала дальше в ванную. Карандаши облегченно вздохнули: обошлось, она наступила в этот раз лишь на Ластика. Тот уже оправился от первого шока и бодрился своими затертыми уголками, приговаривая: «Ничего, ничего, не сотрусь от такой малости...».

Зашумела сливающаяся вода, и Ластик вновь замер. Когда Юля проходила мимо кучки карандашей обратно, все уже спали, уставшие от пережитых за ночь волнений.

Больше до утра в доме ничего не произошло. В доме, но не в холодильнике...

Когда Юля спугнула помидорчиков, те поспешили отойти обратно на кухню. Они рванули все вместе за низ дверцы холодильника на себя — та открылась, и помидорчики позапрыгивали внутрь, сразу на вторую полку, а дверь сама захлопнулась за ними. Загоревшийся было внутри свет тут же погас.

— Все тут? — спросил Самый Мелкий Помидорчик. Все промолчали. — Ну, раз никто не говорит, что его нет, значит все, — заключил он. — Начинаем разбор полетов! Что, напугались? Не ожидали увидеть заклятого врага живым?

— Да ведь мы же на нее вроде того, наехали уже, — нерешительно произнес помидорный поединщик, — такой здоровой банкой любого из нас в смятку зашибить можно...

— Вот тебе и смятка! — резко перебил его Самый Мелкий, бывший у них, видимо, за главного. — В смятку... Нечего всех на свой аршин мерить! Да хоть попали. А ты-то, ты почему на поединке смазал, чучело огородное?

— Пошли на верхнюю полку, — вдруг сказал Слегка Помятый Помидорчик. — Там сыр лежит...

— Ну и что? — удивился Самый Мелкий.

— Как что? — опешил Слегка Помятый. — Сожрем его! Он твердый, почти как карандаш... В нем кальция много — у нас семечки крепкие будут, потомство хорошее оставим... когда сгнем... — вдруг всхлипнул он.

— А мне нельзя сыру, — скривился Наибольший Помидорчик. — Давеча я у натуропата был — говорит, нельзя мне сыру-то.

— Да ты плюнь на него, на натуропата-то! — загорячился Слегка Помятый.

— В следующий раз пойду — обязательно плюну! — пообещал Наибольший.

— Не плой в колодец — пригодится воды напиться! — выдал народную мудрость Самый Мелкий и тут же опять резко спросил Наибольшего: — Ты почему промазал?!

— По чему, по чему — а то сам не знаешь? По карандашиному кумполу я промазал, вот по чему! — сердито огрызнулся Наибольший.

— Да не по чему, а по-че-му! Перезрел ты, что ли? — и Самый Мелкий даже подпрыгнул от злости.

— А ситечко дурацкое — кто на меня напялил? — пошел в ответное наступление Наибольший. — Всё из-за него! Обзора — никакого! Зеркал заднего вида нет! Ветрового стекла нет, через дырки дует!

— Да ты говори спасибо, что шкура цела! — обиделся Самый Мелкий. — Без ситечка ты, может, прямо на твердый Карандаш напоролся бы, уж он бы тебя продырявил, у самой плодоножки!

— Ну вот ещё, вцепились друг в друга! — недовольно прервал ихссору Неприметный Помидорчик. — Нас сюда не драться послали, и не между собой лаяться, а великой

важности документ добыть! И потом, не забывайте: мы все с одной грядки — ты и я! — и тут же все помидорчики вскочили на ноги и схватили друг друга за руки.

— Мы все с одной грядки — ты и я! — гаркнули они хором. И при этих словах задняя стенка холодильника стала расплыватьсь, и на ее месте пропало черное небо в звездах.

— Погоди-погоди, — заволновался Слегка Помятый. — Надобно сперва все тут слопать на дорожку-то!

— Ничего, под утро вернемся — слопаем! — хлопнул его по круглой спине Самый Мелкий. — А сейчас пора на инструктаж. Нас ждет Шеф!

И помидорчики попрыгали один за другим в зияющую черноту.

5 Утро

Утро было удивительно красивое. Рассвело рано-рано, и в чистоте голубого неба сразу зазвучали мелодичные птичьи голоса. Попугай Козя тоже чирикал что-то из своей клетки, накрытой на ночь старой шторой, — в надежде, что его кто-нибудь услышит и откроет.

И действительно: не прошло и двух часов, как шторку с его обители сняли, и он тут же поспешил выбраться, перехватывая лапами и клювом прутья клетки, наружу и дальше на ее крышу. Наверху он довольно крякнул, потянулся, расправив крыльшки, и благосклонно кивнул своей избавительнице. Это была Лана, Юлина старшая сестра, вставшая раньше всех на пробежку со своей подружкой. Она уже вернулась, раскрасневшаяся и голодная, с улицы и, открыв Козю, начала искать на кухне съестное.

Перехватив кусочек хлеба, она открыла холодильник и стала стучать стоящими в нем банками и недовольно хмыкать. И первое, что услышала мама заходя на кухню было «Ну что это такое?!»

— А что такое? — удивилась обычному вопросу мама.

— А ничего, — ответила Лана, — ничего поесть нету!

— Как нету? — еще больше удивилась мама. — Только вчера вечером в магазине были!

— Сама посмотри! — уступила ей место у холодильника Лана. Мама заглянула внутрь, тоже пошебуршала там чем-то и восхитилась:

— Ну вы даете! Наверное, всю ночь на кухню перекусывать бегали. Но зачем вы пустые банки опять в холодильник поставили?

— Никуда мы не бегали! — возмутилась Лана.

— Фю-фю-фю-фю! — заявил со своей клетки Козя.

— Ночью, то есть, — поправилась Лана. — И не ставили мы пустые банки в холодильник. Козя, кто их туда поставил?

— Фью-ить! — коротко ответил Козя и перелетел на мамино плечо.

— Понятно: Козя спал, — перевела Лана и вздохнула. — Ну ничего не понимаю!

Вчера папа мой тост съел, сегодня вообще есть нечего...

— Подожди-подожди, — перебила ее вдруг мама, — а вот тут несколько помидорчиков спрятались! Как странно, — тут же добавила она, — ведь мы давно не покупали томатов, они сейчас дорогие.

— О, давай их сюда! — обрадовалась Лана и мгновенно притащила на стол тарелку и нож с вилкой. — Вот я их сейчас!

Мама достала из холодильника пять помидорчиков, помыла их и положила на Ланину тарелку. Та тут же начала тыкать их вилкой и мыкать ножом.

— Ай, толстокожие какие! — воскликнула она после нескольких бесплодных попыток. — Да как же вас есть-то! Укушу! — и она схватила рукой немного помятый помидорчик, поднесла его ко рту, но тут же взвизгнула и бросила на пол:

— Ай, кусается!

— Ну что ты выдумываешь, ерунда какая, как может помидор кусаться?! Укололась об его ножку, наверное, — укоризненно сказала мама.

— И вовсе не о ножку и не о ручку, — возмущенно ответила Лана, — он хуже Кози кусается!

— Фю-ю-ю-у... Фю! — негодующе заявил Козя и, расправив крылья, затопал на месте.

— Да когда уж Козя тебя в последний раз кусал? — поддержала его мама. — И потом, кусал-то за дело!

— Не за дело, а за палец, — не согласилась Лана. — Подумаешь, перо из хвоста выдернули! Он сам у себя тогда перья все время выдергивал.

Козя при этих словах вывернул шею и, осмотрев свой хвост, довольно крякнул и сложил крылья обратно.

— Во, посмотри, — продолжала между тем Лана, тыкая маме пальцем под нос, — почти до крови прокусил! — На пальце действительно было два ряда довольно глубоких красных отметин.

— У тебя это, наверное, с вечера осталось, — сказала мама, — ела кукурузу и, как обычно, от жадности палец укусила.

И этот плодотворный диалог продолжался бы, наверное, еще довольно долго, но тут в дверь позвонили. Это был почтальон, принесший посылку от бабушки, и мама с Ланой бросили все и ушли смотреть присланные книги. Как только на кухне остался один Козя, помидорчики на тарелке зашевелились и, озираясь по сторонам, выкарабкались из нее на стол. Подобравшись с опаской к самому его краю и увидев на полу Слегка Помятого помидорчика, они замахали ему ручками, а Самый Мелкий тихо свистнул и шепотом спросил:

— Ну, ты как там, братан, ничего?

— Ничего, — отозвался тот. — Что мне сделается? Мяться мы мнемся, а давиться — не давимся!

— Не подавимся! — поддакнули ему сверху остальные помидорчики.

— Вот только семечки внутри опустились, — добавил Слегка Помятый.

— Ну вот что, — решительно прошипел Самый Мелкий, — с опустевшим холодильником мы переборщили...

— Да? — удивленно перебил его Наибольший, — так там ещё и борщ был? Что ж мне этого самого борща не досталось?

— Тьфу, да это обормот, то есть, оборот речи такой! Короче, жрать меньше надо! Во-первых, вона как до света запозднились, а во-вторых — как мы там одни остались на виду, так нас сразу захотели съесть.

— Эва, да ведь это дело обычное, — протянул Слегка Помятый. — Вот если бы нас никто видеть не мог, а все равно хотел бы съесть — вот тогда хана... Впрочем, и это дело обычное, ибо нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал ради 300% прибыли!² — закончил он неожиданно торжествующим тоном.

— Бах! — воскликнул молчавший до сих пор Неприметный Помидорчик. — Клянусь последней каплей сока нашего великого общего предка, герцога Помидора, погибшего в трагической драконокатастрофе при выясненных обстоятельствах — вы мне надоели хуже тыреной, или нет — пареной репы! Соленого арбуза! Президента Клинтона, или Буша, или как там его! Если б не возложенная на нас Судьбой ответственность за предначертанное нам великое будущее, ушел бы от вас давно уже куда подальше! Только на кетчуп и годитесь!

Остальные помидорчики немного уявили от этих слов, но на этот раз никто ничего не возразил, тем более что слова о годности на кетчуп польстили их самолюбию. Но и по их молчанию было ясно, что все остались при своем мнении, даже если у кого его и не было. Довольный достигнутым эффектом, Неприметный Помидорчик выдержал паузу и продолжил так:

— Ну, то-то. Затемно линять надо было, а не обжираться до света. Мотаем отсюда сейчас же, а то не избежать пленения, а тогда — страшная пытка на сковороде или даже лютая смерть на соковыжималке. Мы сюда не за тем пришли. Перебежками по одному — марш к холодильнику! Помятый, прикрой! — и помидорчики быстро спустились со стола по ножке на пол. Но не успели они добежать до середины кухни, как в нее неожиданно и почти бесшумно забрела только-только проснувшаяся Юля.

6 В шкафу

Минувшей ночью Юле снилась всякая ерунда. Что именно — она уже и не помнила. Осталось только ощущение чего-то неприятного и тревожного. «Эх, не зря плохой сон был,» — подумала она потягиваясь, — «сегодня опять в школу идти!» Последние дни ей не очень-то хотелось идти в школу. Ей казалось, что другие девочки — поглупее, потолще и повыше ростом — стараются ее сильно пихнуть при случае, обзывают «квадратом» и вообще не относятся к ней с должным почтением. Она посмотрела на стоявшую на тумбочке у ее кровати фотографию в самодельной рамке из фольги и вздохнула. Эх, знали бы они, где она была, что видела... А самое главное — что совершила! На фотографии Юля была в красивом королевском платье, с короной на голове и огромным букетом цветов в руках. «Эх, и зачем я

²Последнее наблюдение обычно приписывается К. Марксу. Действительно, в сноске к последнему предложению в части 6 гл. XXIV первого тома «Капитала» мы читаем: «При 300 процентах нет такого преступления, на которое он [капитал] не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Однако ж это на самом деле тоже цитата, из другого автора, английского профсоюзного деятеля Т.Дж. Даннинга (1799–1873). В оригинале цитата цветастее: «300 per cent, and there is not a crime at which it will scruple nor a risk it will not run, even to the chance of its owner being hanged» (T.J. Dunning, *Trade's Unions and Strikes*. London, 1860, p.36). А сама сноска-то — к вот такому предложению самого К. Маркса: «Если деньги, по словам Ожье, рождаются с кровавым пятном на одной щеке, то новорожденный капитал истоцает кровь и грязь изо всех своих пор, с головы до ног». А то мы теперь не знаем?? — Прим. наборщика.

тогда отказалась от королевства? Правила бы себе сейчас, казнила и миловала, и ела бы пиццу каждый день!», вздохнула она и слезла с кровати.

— Впрочем, — сказала Юля тут же вслух, потягиваясь и зажмуривая глаза, — нет худа без добра. Располнела бы я от этой пиццы, и что было бы? Было бы толсто! Уф-ф! — И она начала набивать свой ранец тяжелющими учебниками, которые надо было иметь сегодня с собой на уроках.³

Внезапно Юля почувствовала голод и вспомнила, что накануне она вроде как и не поужинала. Все ещё полусонная и в пижаме, она закрыла набитый ранец и пошла на кухню. По дороге она прошла мимо большой комнаты, где мама с Ланой оживленно вынимали книги из здоровой картонной коробки, читали их названия, ахали и клали обратно. Юля хмыкнула и, не задерживаясь, проследовала дальше. Войдя на кухню, она замерла: вот ведь, совсем распустились! Разбросали по полу помидоры и ушли книжки перебирать! А она теперь всё опять убирать должна! И от негодования Юля даже надула щеки и уперла руки в боки (так обычно поступали киногероини в аналогичных ситуациях). Правда, спроси у нее кто в тот момент когда Юля в последний раз где-то что-то убирала — она бы, пожалуй, и не вспомнила, но это было и не важно.

В порыве гнева Юля решила было побросать помидоры в мусорное ведро, но здравый смысл всё же взял верх: она взяла тарелку, сложила в неё все пять помидоров с пола (ну не мыть же их ещё!) и протянула было руку открыть холодильник. Но тут она вспомнила про серый туман и летающие консервные банки и замерла в нерешительности. Здравый смысл снова взял верх, и Юля попятилась от холодильника, оглянулась и пододвинула стул к висящему рядом на стене шкафчику. Потом она влезла на стул и поставила тарелку с помидорами в шкаф, плотно закрыв за ней дверцу. И в то же мгновение до неё донесся мамин крик из гостиной: «А времени-то уже сколько!! Скорее, скорее, мы все опаздываем!» Глухо ухнули упавшие на пол книги, и все пришло в движение. Уже через несколько минут Юля и Лана выскочили из дома, таща на себе тяжеленные ранцы с учебниками и мелкими деньгами на завтрак, а вслед за ними выбежала на улицу и мама. Через несколько мгновений пыль за ними осела и всё стихло.

— Ау-у-у, — вдруг раздалось из шкафа на кухне.

— Шшш, — зашипели тут же четыре голоса в ответ, — ты что, помялся, что ли?

— Ну есть немножко, — прошептал аукнувший Слегка Помятый помидорчик.

— Испугался яшибко чего-то. Где мы?

— В темнице, — отозвался Неприметный, — вишь, как темно!

— Раз в темнице, давай подкоп рыть! — обрадовался Наибольший. — Даешь три кубометра грунта в смену!!

— Не дам! — рявкнул в ответ Самый Мелкий. — Нет под нами грунта, чучело ты огородное. Пропасть там! Порасшмякаемся!

³Возможно, именно этой переноске тяжестей в детстве страна и была обязана многим спортивным достижениям её жителей. Но в настоящее время детей все чаще подвозят в школу на машинах, так что большого спортивного смысла в толстых учебниках уже, наверное, нет. Вот машины для подвоза детей зато все чаще уже совсем здоровенные и вездеходные — наверное, от перевоза тяжестей. Тем более что сами детишки становятся ожиревшими до многопудности.

— Прим. наборщика.

Все помолчали.

— Так мы что, завянем теперь здесь навсегда? — это снова был Наибольший.

— Ягодки вы мои пасленовые! — вдруг бодро пропел Самый Мелкий, — а у меня идея!

— Ну?? — ухнули все остальные.

— Помните историю про Волшебную Банку Желатина, что рассказывала нам на грядке добрая мокрая Лейка? Попал бедный Желатин в дыру вроде этой, — и Самый Мелкий обвел вокруг себя в темноте руками, смазав при этом Наибольшего по уху, — стал везде шарить-пошарить и надыбал старую банку. Потёр её рукой — ан и вылез из неё джем!

— Ух ты! — ахнули все остальные помидорчики. — А не врёшь? Не джин ли из неё вылез?

— Да нет, джин — это водка такая, со вкусом еловой шишки и запахом скипидара, — отмахнулся Самый Мелкий, — а то был сильномогучий джем!

— Сильновонючий? — протянул Слегка Помятый. — Так чем он тогда джина лучше?

— Ты как давеча упал, так уши себе и отбил, наверное! — обиделся рассказчик.

— Дух это стихийный, фантастическое существо из чистого огня!⁴

— Ну, а дальше-то что, дальше? — не выдержал Наибольший.

— А дальше, джем-то и говорит: «Слушаю, мол, и повинуюсь! Ты, мол, господин мой, как я есть раб банки, а срок годности ещё не вышел.» Ну, и велел тогда Желатин построить себе роскошный дворец в Ницце...

— А не в Ницце часом? — опять перебил его Слегка Помятый. — А то ведь съедят его вместе с пиццей.

Наверное, Самый Мелкий и сам был не вполне уверен, что назвал правильное место, так что он просто проигнорировал слова Помятого и продолжил:

— ...и стал жить-поживать, да добро наживать под славным именем графа Агар-агара.

— Да знаем мы, как графы добро наживают, чего уж там! — обрадовался возможности что-то добавить Наибольший. — Вона и у нас в герцогстве сосед граф был. Три шкуры со своих подданных драл, благодетель, а как заскучает — так мечом опояшется, и на большую дорогу, какой-никакой — а опять же доход!

— Цыц! — перебил его Неприметный. — Нечего тут на власти напраслину возводить! Наш славный предок герцог Пом-и-Дор тоже ведь прошел славный трудовой путь, от мошенника до главы государства! — И, сделав паузу, добавил: — Цель поставлена, задача ясна, давай банки вокруг щупать!

— Уй! Хи-хи-хи! Ай!! — вззвизгнул тут же Самый Мелкий. — Щекотно же! Не меня, болваны, а банки щупать надо!!

Кто-то хмыкнул, и шкаф заполнился шорохом: помидорчики понавыбирались из тарелки и занялись делом. Они осторожно протискивались бочками между баночками, коробочками да склянками, стоящими на их полке, тщательно ощупывая все предметы на их пути и теря их своими кривыми ручами всюду, где они могли достать. Так прошло десять минут, потом ещё десять. Активность в шкафу стала

⁴По-видимому, наименьший всё же имел в виду джина. Впрочем, кто его знает. Читайте дальше. — Прим. наборщика.

затухать, все уже устали тереть всё что ни попадя руками и, наконец, Наибольший Помидорчик шлепнулся обратно на тарелку, шумно вздохнул и заявил:

— Всё!! Перекур!

— Может, тебе ешё и выпить поднести? — язвительно зашипел из угла Самый Мелкий. — Ишь, цаца какая нашлась! Не позорь родную грядку, слизняк!

— Да я, почитай, уже все руки себе стёр! — возмутился Наибольший. — Да и перетёрли мы уже всё тут! Нету тут никакого джема, и вообще никого нет!

— Почему нет, дорогой? — раздался вдруг незнакомый сладкий голос.

Всё замерло.

— К-к-кто это? спросил Самый Мелкий. — Джемчик, это ты? Дай бочок потру! Никто не отозвался.

— Или за ушком почешу, — опять предложил Самый Мелкий. Шкафчик заметно вздрогнул, так что даже задребезжали несколько банок, но вновь никто не отозвался.

— Ты это, насчёт ушка-то, поосторожней, — посоветовал Неприметный, — вдруг оно у него больное, тяпнет ещё!

Снова наступила тишина. Её нарушил Самый Мелкий:

— Не хочешь за ушком — давай бизнес делать!

— Как это? — опешенно откликнулся тот же голос.

— А взаимовыгодно! Без каких-либо торговых барьеров, пошлин и ограничений! — быстро заговорил Самый Мелкий. — Ты нас доставишь отсюда, куда мы скажем, и дашь каждому по мешку золота, а мы тебя взамен — трогать не будем!

— Ах, вот оно как, — протянул голос. — Вот, значит, довелось с молодыми реформаторами встретиться... А потом вы мой шкаф приватизируете, до электропроводки дотянетесь. Кстати, нефти подо мной нет — только масло растительное, так что зря вы сюда пожаловали. Да, а где же мой точильный брускочек? — и через мгновение в темноте послышались звуки затачиваемого ножа, сопровождаемые бормотанием голоса: «Сколь раз увижу — столь раз убью, сколь раз увижу — столь раз убью...»

Помидорчики мгновенно вспотели. Им стало очень душно и очень себя жалко.

— Эй, минуточку! — засуетился Неприметный. — Вы неправильно поняли моего коллегу! Он хотел предложить вам действительно хорошую сделку! Мы привлечём в ваш шкаф огромные зарубежные инвестиции, принесём сюда прогресс и процветание! Глобализацию с человеческим лицом!

— И что он несёт? Нечеловеческое лицо — это уже и не лицо, а морда. Да и человеческое — тоже часто морда оно и есть! — пробурчал Наибольший Помидорчик.

— Нам бы ноги отсюда целыми унести...

Но невидимый собеседник, похоже, их и не слышал. По-прежнему раздавался леденящий душу звук затачиваемого ножа, но вместо «сколь раз увижу — столь раз убью» голос начал вспоминать вслух кулинарные рецепты: «Мелко нарубить пять небольших помидоров, слегка припустить их в кастрюльке на оливковом масле с луком... Или вот: нарезать помидоры крупными дольками и выложить ими дно противня...»

Помидорчиков затрясло крупной дрожью.

— Ой муторно мне, ой муторно!! — вдруг заголосил Слегка Помятый.

— Тряпка!! — рявкнул на него Неприметный, и Помятый притих. — Бороться и искать, найти и не трепаться!! — тут же выбросил лозунг Неприметный. — Эй,

там!! Сим-сим, открой дверь!

— Скажи пароль — открою, — неожиданно миролюбиво отозвался из темноты голос,

— Пароль!! — закричали в ответ помидорчики.

— Э-э нет, в пароле должно быть восемь символов, и как минимум два из них — не буквы, — голос даже показался разочарованным.

— Juka1985! — выпалил Неприметный.

— Не-а, — коротко ответил голос.

— 1%qwerty! — вдруг выдал до сих пор всё время молчавший помидорчик с жёлтым пятнышком на боку.

— Почти угадал! — удивился голос. — Но «почти» — не считается, а по протоколу — после трёх неудачных попыток угадать пароль пользователь блокируется в закрытом помещении, пока его статус не изменит администратор!

— Да кто ж тут у вас администратор-то? — ахнул Самый Мелкий.

— Администратором у нас — тутоний домовой, но он сейчас в командировке, на Всемирном Конгрессе Нечисти в Нью-Йорке.

— А ты-то кто такой? — спросил Неприметный.

— А я — тутоний шкафовой! — гордо ответил голос. — Кухонный дух высшего разряда! Не в каждом ресторане такой есть.

— Поборолся, придурок, — процедил сквозь зубы Самый Мелкий.

— Это ты про меня, что ли? — с угрозой в голосе спросил Неприметный.

— А что, тут ещё придутики есть? — наигранно удивился Самый Мелкий.

— Есть маленько, — вдруг подал голос Шкафовой и смущенно хихикнул. Обстановка немного разрядилась.

— Вот точно тебя зелёным сорвали, — сказал Неприметный, — оттого и недомерок. А что с такой мелкотой связываться — одно недоразумение...

— Так что — нету у нас теперь выхода, да? — перебил Неприметного Помятый помидорчик.

— Ну отчего же нету, — тут же отозвался Шкафовой, — жизнь-то — штука сложная.

— Во-во, как это вы верно сказали, — оживился Неприметный. — Но ведь интеллигентные люди, то есть твари, нет — создания, всегда могут договориться!

— Ну отчего же нет, — добродушно ответил голос, — жить захотите — договоримся!

Помидорчики только крякнули, но ничего взянутого на это не сказали.

— Вы ведь сюда — по делу, так? — продолжил Шкафовой. — Молчание — знак согласия. А какое у вас дело, с такими рожами-то? Известное — стырить чего. Давайте так: половину того, что тут понахватаете — мне, тогда выпущу из шкафа!

— А если мы тут пендюлей понахватали, тебе тоже половину? Прямо щас навесить можно? — обрадовался Наибольший.

— А это удобно! — сказал Шкафовой.

— Что удобно? — опешил Наибольший.

— Что ты уже на тарелке, голубчик, — ответил ему голос, — соком тут ничего не напачкаю.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Наибольший, — ты прямо скажи: навесить тебе пендюлей?

— Фигушки! — рявкнул на это невидимый голос.

— Чего-чего? Какие фигушки? — удивился Слегка Помятый.

— А вот, глянь! Накося-выкуси!

— Куда глянь?? Чего выкуси? Темно же, не видно ничего!

— Да будет свет! — просто, но торжественно произнес в ответ на это голос, и внутри шкафа появилось неяркое белое свечение. И в этом свете, из темноты, сохранившейся в углах и у стенок шкафа, торчал здоровенный фиолетовый кукиш.

— Это не фигушки, это дулюшки! — разочарованно протянул Слегка Помятый Помидорчик. И не успел он это договорить, как в светящуюся область в шкафу внезапно вдвинулась чья-то бородатая голова с выпученными глазами и крикнула: «Ни с места! Дневной позор!!»

Все обомлели, и только Слегка Помятый Помидорчик промямлил: «Не понял» — и упал в обморок.

7 Из шкафа

— Тьфу-ты! — бородатая голова плюнула на лежащий в обмороке Помятый Помидорчик и тут же поправилась: — Оговорилась я, то есть оговорился. Дневной дозор!!⁵ А ну, кто тут среди бела дня в тёмном шкафу тёмными делами занимается? Предъявите, у кого что есть!

В ответ на это фиолетовый кукиш немедленно повернулся к говорящей голове, а помидорчики недоуменно переглянулись друг с другом и развели руками.

— Гм, немного, — смущаясь бородач. — Ну, будем тогда оформлять протокол о задержании.

— Да я и так уж тут подзадержался, лет на сорок лишних! — буркнул Шкафовой, убирая свой кукиш. — Глаза б мои этот шкаф больше не видели, нос бы мой его больше не нюхал! Ты б мне лучше протокол на недержание выписал.

— Ишь, остроумец, — оскалилась голова, — а вот возьму и выпишу. Так свой шкаф уделаешь — мало не покажется!

— Дяденька дзорный! — перебил его Самый Мелкий Помидорчик. — Забери ты нас лучше отсюда, мы с тобой дозревать — хоть на край света, хоть на целину поедем!

— Тю-ю, скаженный, — протянул дяденька дзорный. — Да нет уж той целины, распахали всю. А забрать — что ж, за авоськой сгоняю и заберу, будет вечером закуска!

— Да куда ж мы попали! — всхлипнул только что пришедший в себя Слегка Помятый Помидорчик. — Что за звери такие тут живут! Один ножик на нас точит, другая вилкой тычет, этот хрен за авоськой собрался, и даже карандаши острием поддать норовят! А ещё небось вегетарианцы и хвастаются!

— Ну ладно, пошутить нельзя... Тонкокожие какие все стали, да и с юмором, ребята, у вас туговато! — расплылся в улыбке дзорный. — Да вы чьих будете-то, и как сюда попали? Только смотрите, не врать мне!

⁵Если читатель тут в непонятках, то он, как и Слегка Помятый Помидорчик, видимо, не видал опусы г-на сочинителя С. Лукьяненко. — Прим. наборщика.

— Из Томатбурга мы, агенты спецслужбы ПОСАД — Пакостного Отряда Специальных Агентов и Диверсантов, — неохотно признался Неприметный. — В командировке мы тут, по делу, значит. А попали сюда по секретному ходу-проходу, через зад этого мерзлого холодильника, — и помидорчик кивнул головой⁶ в сторону, где, по его понятию, и стоял упомянутый холодильник.

— Та-а-ак, — протянул бородатый, — издалека пожаловали. А теперь выкладывай, что за командировка тут у вас такая.

— Легенду выкладывать, или сразу — как по-правде?

— И то, и другое выкладывать!

— Строг ты, начальник, — вздохнул Неприметный, — да воля твоя. Ну чё, записываешь? — бородач кивнул, и промидорчик продолжил. — По легенде — послали нас сюда взорвать опытную грядку, где выращиваются, гм, как бы помягче выразится, э-э, генетисеськи модифицированные помидоры...

— Бр-р-р, гадость какая! — передёрнуло Наибольшего Помидорчика, а Слегка Помятый поспешил пояснить: — Ведь до чего додумались, с жабой помидор скрестить — чтоб, по мере созревания, помидоры с плодоножек соскакивали и сами — скок-скок! — в ящики запрыгивали!

— Ух-ты, — восхитился дозорный, — не слабо!! Небось, Билл Гейтс придумал, — добавил он с уважением. — Ну, а по-правде, по-правде-то — зачем?

— А по-правде — объявлен у нас конкурс на должность премьер-министра. Герцога-то нашего, Пом-и-Дора, как угроили — только семечки в стороны брызнули, как драконом его пришибло, так и осиротел город-то, а демократии народ никак не желает. Вот и выкручиваемся, как можем — в начальники по конкурсу проходят!

— А чтоб вы знали, плебеи, от этих-то брызнувших семечек мы и произошли! — подобоченился Наибольший. — Герцогята мы, стало быть!

— Цыц, придурок! — недовольно оборвал его Самый Мелкий. — Вот трепло какое, ну ничего в тайне сохранить не может...

— Ну, а дальше-то что? — спросил бородач Неприметного.

— А дальше — вот что. Не всякий ведь на премьер-министра потянет, тут надо знакомства важные иметь, и таланты всякие — бюджет соблюсти, чтоб тютя с тютей сошлась, а и себя при этом не обидеть! Так что условие конкурса в этот раз — не только чтоб блат был, но надо ещё суметь за неделю приготовить смету, как ровно миллион долларов потратить!

— Вы-то тут при чём? — удивился Шкафовой.

— А притом, что наш шеф, Командор ПОСАДа, бывший шеф-повар герцога, блат-то имеет, а считать — не обучен. Родители у него, понимаешь, в торговле работали, в старые ещё времена, так что воровали — у-у-у, кто во что горазд, не до счёта было! Знай только, покупателя объегоривай!

— Вы-то тут при чем? — опять удивился Шкафовой.

— А при том что есть у нас заклятый враг — злобная колдунья Юля, которая и погубила нашего славного герцога, и пыталась захватить его престол!

— Да не удержалась, жаба!! — не выдержал Наибольший. — Прогнал её доблестный бургомистр, прогнал метлою поганой!

⁶А какая у помидора голова? Автор, по-видимому, имел в виду голово-грудь. — *Прим. наборщика.*

— Так раз у вас бургомистр есть — зачем же вам ещё и премьер-министр? — удивился бородач.

— А это у нас моделя такая! — гордо ответил Слегка Помятый. — Бургомистр — он всё время один и тот же, а премьер-министра — по конкурсу подбирают, для представительских целей и разнообразия! Хотели было эту должность «президент» назвать, да больно уж на название сыра похоже, забоялись что съедят!

— Но вы-то тут причём? — снова спросил Шкафовой.

— Не перебивайте! — оскалился Неприметный на остальных помидорчиков.
— При том, что есть у Юли в нашем герцогстве доброхоты, говорящие мыши, трепливые вот как этот, — и он ткнул пальцем в Самого Мелкого, — вот и проболтались, что эта самая Юля самым пакостным образом этот самый миллион вот-вот придумает как в точности потратить. А у нас ушки — на макушке, вот и послал нас шеф сюда секрет, как это сделать, у неё — отобрать!

— А получится — так и нагадить ещё как следует! — добавил Самый Мелкий.

— Эй, только не в моём шкафу! — запротестовал Шкафовой.

— Кстати, насчёт нагадить, — смущённо вставил Наибольший. — Мы тут ночью того, в холодильнике хорошо подзаправились. А в туалет пока не ходили. Так это, я не скажу за остальных, а мне...

— Забери ты их отсюдова!! — заорал не своим голосом Шкафовой бородачу. — Забери куда хочешь! Авоськи у меня нет, но вот, возьми пакет полиэтиленовый!

— и в свечении появился старый мятый мешок с ручками и парой рваных дырок.

— А мне что? Мне — по барабану! Забрать так забрать, — охотно согласился дозорный и скомандовал помидорчикам: — А ну, герцогята краснопузые, геть до сумки!

Помидорчики суетливо, толкая друг друга и переваливаясь на своих коротеньких ножках быстро забрались в мешок. Наибольший Помидор, хихикая, выставил свой зад в одну из дырок в пакете и довольно объявил, что ему не страшен серый волк, а Слегка Помятый оказался над другой дырой: он схватился руками за её края, притянул их к груди и закрыл глаза от страха. Самый Мелкий помидорчик залез в мешок последним, уселся на головах своих братьев, горделиво оглянулся вокруг и сказал бородачу:

— Трогай, голубчик! В Томатбург, к замку нас! А сюда мы ещё вернемся, и секрет стыrim, и Юле-подлюке крепко насолим! — и он потряс кулачком в воздухе.

Дозорный хмыкнул, втащил правую руку в шкаф и схватил ей мешок за ручки.

— Чao, бамбино, сорри! — бросил он напоследок шкафовому, свистнул, гикнул — и исчез из шкафа. Из неосвещенного угла раздался вздох облегчения, и свет в шкафу погас.

8 На войну — так на войну

— Ну что, всё слышали? — спросил Твёрдый Карандаш, оглядывая собравшихся вокруг него на кухонном полу Точилку, Кисточку, Ластик и всю пачку цветных карандашей.

— Всё, что услышали — слышали, а чего не услышали — того не слышали, — честно признался Ластик.

— Ауе, ауе, — согласно закивали карандаши, которые накануне участвовали в раскраске картинок с парусными кораблями и, видно, попутно понахватались морских словечек.

— Жаль, — немногого поник Твердый Карандаш. — Я ведь на вас понадеялся. Я-то тоже слышал только то, что услышал, а что не услышал — переспросить постеснялся. Но и так ясно: отчество — в опасности! Эти гады грозятся нам нагадить!

— А чё ж гадам делать-то как не гадить? — вполголоса удивился Коричневый Карандаш, потихоньку подкрашивавший грязное пятнышко на полу. Твёрдый метнул в него свирепый взгляд, но не попал — взгляд ударился в Точилку, отразился от её никелированного бока и обжег Ластик. Тот охнул, и тут же запахло палённой резиной.

— Что, уже гадят? — забеспокоилась Кисточка, забрасывая прядку волос назад.

— Не-ет, — процедил сквозь зубы Ластик, — это тут некоторые наши, так сказать, товарищи упражняются, сотри им уголок. Бей своих, чтобы чужие боялись, блин, называется...

— А чё он... — начал было Твёрдый Карандаш, но потом махнул рукой, чуть не задев шарахнувшегося от него Жёлтого Карандаша, и продолжил: — Так вот, и Юле насолить хотят, и нам всем нагадить!

— А я не хочу, чтоб на меня гадили, — заныл Синий Карандаш, — как же тогда мной небо раскрашивать? Загаженное будет небо-то...

— Незаменимых у нас — нет! — бойко крикнул из задних рядов Оранжевый Карандаш. — Не будет синего карандаша — будет как в песне: «Оражевое небо, оранжевое море, оранжевая мама...»

— Во фигня какая, — опешил Жёлтый Карандаш. — Весь мир жёлтой опасностью пугают, а у нас тут опасность — оранжевая...

— Тыфу, балаболки! — прервал их Твердый Карандаш. — А ну, хватит преряться! А то точилка живо вас с обоих концов заточит — сесть будет не на что!

Цветные карандаши тут же прекратили препираться и, боязливо косясь на довольно улыбавшуюся Точилку, подобрали под себя свои незаточенные задние оконечности.

— Орлы!! — похвалил их Твёрдый Карандаш и тут же выпалил: — Врага надо бить на его территории! Чем пассивно ждать нападения, страшась его каждую минуту, навалимся на агрессора упреждающим ударом, опрокинем его порядки и добьём гадину на её грядке!

— Ух, классно шпарит! — зажмурился от удовольствия Красный Карандаш, а Твёрдый продолжил:

— Объявляется набор в добровольческий десантный корпус на предмет похода на Томатбург! Цель — опередить и задавить, и прибить свой щит на воротах! Прошу считать всех присутствующих добровольно записанными в личный состав корпуса!

Попугайчик Козя, сидевший на шторной палке над окном и внимательно слушавший всё что говорилось на кухонном полу, в этот момент крякнул от удивления и чуть не свалился вниз. Твёрдый Карандаш глянул на него и расплылся в улыбке:

— Спасибо, брат Козьма, за твёрдость! Конечно же, ты можешь лететь с нами. Ты составишь костяк наших военно-воздушных сил!

— А я буду костяком мирно-наземных слабостей, — тихонько попробовал сострить Желтый Карандаш, но его соседи на это никак не отреагировали, ошарашенно переваривая слова Твёрдого Карандаша.

— За компанию — что ж, я готов! — первым подал голос Красный Карандаш.

— И потом, на миру и смерть красна, самое разлюбезное по моему цвету дело! — и он довольно огляделся вокруг, поигрывая на свету своими красными гранями.

— Тыфу, краснобай, — плонул Зелёный Карандаш. — Типун тебе на грифель! Рано нам помирать, вона у меня ещё сколько лужаек недокрашено, — и он кивнул головой в сторону двери, где в коридоре виднелась стопка рисовальных альбомов.

— Зелен ты ёщё, жизни не знаешь, — ощерился на него Коричневый Карандаш.

— Ты что, не понял ёщё? Это ж будет драка не на жизнь, а на смерть!

— Чур не на мою! — поспешил вставить Синий Карандаш.

— И не на мою, и не на мою! — загадели остальные карандаши, а Кисточка собралась заплакать и начать рвать на себе волосы.

— Стоп! — рявкнул на них Твёрдый Карандаш, и всё замерло. — Так не годится!

— А как годится? — робко спросил Жёлтый.

— А вот как: надо оставить Юле записку, чтобы она знала, куда мы делись, и какая ей грозит опасность.

— Ой, какой он умный! — восхищенно ужаснулась Кисточка, — это же так правильно!

— Да, действительно, это очень верное решение. *Ordnung muß sein!*⁷ — одобрил Коричневый Карандаш. Ластик тоже было хотел что-то добавить, но глянул на свой опаленный бок и промолчал.

— Тащите сюда лист бумаги! Раз, два, три, — распорядился Твёрдый Карандаш, и не успел он досчитать до трёх, как цветные карандаши приволокли к его ногам чистую бумажку с неровно обрванными краями.

— Орлы!! — опять восхитился Твёрдый. — Споро, инициативно, неровно — так держать!

— Рады стараться!! — гаркнули разом не своим голосом и те кто старался, и те кто держал, и те кто ничего не делал.

— Но чем же будем писать? — уныло спросила Кисточка. — Ой, да как же мы теперь?!

— А вот мнай можно, пожалуйста! Только чур сильно не щекотать, — выскочил вперед Голубой Карандаш. — Как я цвет нашего общества (тут Коричневый Карандаш неприлично заржал, а Красный побагровел, но сдержался), да и вообще могу в писари пойти, на постоянной основе.

— Грамоте-то знаешь? — усомнился Твёрдый Карандаш.

Голубой глубоко вздохнул, зажмурился, опять вздохнул, беззвучно пошевелил губами, открыл глаза и, наконец, ответил:

— Не могу врать. А жаль... Ну не знаю я грамоте, не знаю! Ну и что? Я заверяю всех собравшихся, что под твёрдым руководством нашего мудрого отца-командира (тут Голубой слегка поклонился в сторону Твёрдого Карандаша) я смогу!

⁷(Во всем) должен быть порядок! (нем.) — *Прим. наборщика.*

— Что сможешь?! — воскликнул Коричневый. — Соврать сможешь? Тоже мне, пи-и-исарь нашёлся, на постоянной, грамоте знает!

— Всё смогу! — развернул свои посиневшие плечи самозваный писарь. — И грамоте смогу!

— Тогда пиши! — прервал перепалку Твёрдый Карандаш. — Пиши под моим твёрдым руководством.

— Рад стараться! — обрадованно отозвался на это Голубой и, перекинувшись с ног на голову, замер в акробатической стойке, упёршись концом своего грифеля в бумагу. Твёрдый прочистил горло и начал диктовать:

— Доношу до Вашего Юлинного сведения, что мы, Карандаши Всея... Гм, о чём это я? А ты что застыл?! — вдруг рявкнул он на Голубого. — Не смог? Или руководство мое нетвёрдо?

— Спину схватило, — сдавленно прошёл тот сквозь зубы. — Грифель защемило, наверное. Ах ты, беда какая, я-то думал, сейчас грамоте научусь. Не повезло... Теперь, наверное, даже свиста пуль не услышу — всю войну в госпитале провалаюсь...

— А ты не горюй, герой, — подала голос точилка. — Я вот тебя сейчас быстро подлечу. Где, говоришь, у тебя грифель защемило?

— Эй-эй, погоди! Зачем добро на стружку переводить? — перебил её Красный Карандаш. — Вот если его в длину расколоть, так будут нам добрые пики помидоры ковырять!

— Здорово придумал! — подхватил Коричневый. — К тому же Голубой Карандаш не очень-то и нужен. Правда, Синий? Если тебя хорошенко наслоняешь, ты вполне за голубого сойдешь...

— Да ведь я не хочу, чтоб меня слюнявили! — ахнул Синий Карандаш.

— «Не хочу, не хочу» — цаца какая!! *À la guerre comme à la guerre!*⁸ — рыкнул Твёрдый Карандаш. — Надо будет, так и наслоняшим! А надо — так и намочим! Или замочим, хотя б и в сортире...

Все вздрогнули и притихли. Хоть и впрямь Голубой Карандаш был никому не нужен, а всё же его стало жалко. К тому же многим пришла в голову мысль, что и без них можно вполне обойтись, а оружие или дрова для обогрева могут понадобиться в любую минуту.

— Но отчего же в сортире мочить? — робко нарушил тишину жалобный голос Кисточки. — Лучше уж в баночке, у мольберта...

— А записку Юле? — встрепенулся Жёлтый Карандаш. — Тоже намочим? Или сначала напишем?

Все выжидательно посмотрели друг на друга и, не увидев добровольцев писать записи, обернулись к Твёрдому Карандашу.

— Вот в такие критические минуты истории и проявляются лучшие качества твёрдых карандашей! — с чувством сказал тот. — Их всесторонность, внимание к детали, их твердость, наконец...

— ...и их бесцветность, — тихонько добавил Ластик. Видно, незаслуженный ожёг ещё давал себя знать. — Зато и стирать тебя, голубчик, куда легче, чем цветных... Эти твёрдые, правда, так бумагу понапродаивают, а то ещё и дырок наделать могут.

⁸Хочешь жить — умей вертеться! (вольный перевод с фр.) — Прим. наборщика.

К счастью для Ластика, никто его не расслышал. Кисточка хотела было спросить, что он там промямлил, но тут же забыла: её охватил заразный энтузиазм окружавших её цветных карандашей. Те так приободрились от прочувственной речи Твёрдого, что начали ликовать и целоваться друг с другом, а кто-то даже чмокнул Точилку целых два раза.

— Смотрите, смотрите! — восхищенно воскликнула Кисточка. — Сейчас он будет писать!!

— Подумаешь, тоже мне, — опять пробурчал Ластик. — Написает он... Тыфу, напишет. Было бы у меня чем бумагу макать, я бы тоже мог написать. Вот ты пойди ту бумагу от этой пачки очисти...

Но никто его, конечно, и не слушал. Все затаили дыхание, следя как Твёрдый Карандаш пристраивается писать на лежащей на полу бумажке.

— Да ты бы ёщё заднюю ногу поднял, — не удержался Ластик. Но и это никто не расслышал: таинство рождения букв на бумаге началось.

9 Немного новой истории

В то самое время как Твёрдый Карандаш пристраивался писать записку Юле, помидорчики-диверсанты отдувались на ковре перед своим шефом.

Командор ПОСАДа был малограмотен, но это не помешало ему сделать стремительную карьеру в пост-герцогском Томатбурге. Происходя из семьи торговых работников⁹, он не только не растерял наворованное родителями, но и преумножил свое состояние. Во время правления герцога Пом-и-Дора, которого он люто боялся и страстно ненавидел, Влад (а именно так называли будущего олигарха его родители с тем умыслом, чтобы их сыночек стал владетельным господином) имел неограниченный доступ к кладовым замка своего хозяина. Так что когда герцогское правление внезапно оборвалось (не без Юлиной помощи), дом его шеф-повара уступал в размерах и роскоши убранства только палатам властелина города. Влад с облегчением вздохнул и умудрился как-то очень быстро подмять под себя все важнейшие городские службы, будь то выгребная команда для очистки отхожих мест, налоговая инспекция или оперный театр.

Только городская стража была ему неподвластна: стражники оставались преданны новому бургомистру Томатбурга, бывшему герольду Харальду. Тот засел в герцогском замке и поселил стражу в его просторных тёплых конюшнях, построенных недавно по велению герцога для парковки заблудившихся драконов. После этого Харальд снабдил стражников новыми штанами с красными лампасами, чем сделал их совершенно счастливыми. «От добра деръма не ищут», — отвечали они после этого на все попытки Влада перекупить их на свою сторону. А чтобы тот поскорее убирался и не мешал им наслаждаться жизнью, стража начинала лениво бросать в него объедками со своего всегда обильного стола.

Влад было приуныл: без карманной стражи было всё же неуютно. Он когда-то услышал брошенный в массы лозунг: «Всё, что содрано с народа, должно быть надёжно защищено!» (во всяком случае, так он расслышал) и так хорошо зарубил

⁹Не совсем точно: его родной дядя преподавал Научный Томатизм в тамошнем университете.
— Прим. наборщика.

его себе на носу, что там даже остался шрам. Кроме того, он знал, как и все прохвости, что безвыходных ситуаций не бывает. Не прошло и года, как Владу пришла в голову гениальная идея. Он даже воскликнул в восторге: «Эврика!»¹⁰ На другой день Влад исчез из города на несколько часов и вернулся к вечеру препачканный землей, но зато с корзиной поганеньких помидор. После этого он целую неделю провел взаперти дома, откуда время от времени доносились подозрительные звуки. Похоже, сильно били по чему-то мягкому, кричали «Къя!!» и даже фехтовали на топорах. Соседи немедленно донесли об этом стражникам, но те просто прогнали ябед прочь и продолжали пьянствовать. А зря. Во-первых, это было вредно для их здоровья. А во-вторых, дело-то было серьезное.

Произошло вот что: Влад сгонял на Драконью Скалу¹¹ и набрал там недозрелых помидор. Он правильно рассудил, что кроме как из семечек герцога появится там томатам было неоткуда, и что худших отборных негодяев найти будет трудно. Навешать им лапши на уши для бывшего шеф-повара было проще простого. Науськал помидорчиков, показав им козу и наобещав с три короба, Влад обратил их в верных приспешников и исполнителей свой воли. А уж воли-то ему только дай...

Дело стало за малым: превратить банду недозрелых помидорчиков в самую грозную силу Томатбурга. И опять Влад правильно рассудил, что для этого не помешает небольшая война с террором. Придумано — сделано. В течение одной недели в городе произошло несколько дерзких терактов: с крыши упал кирпич на голову начальника стражи, посредине главного рынка взорвался горшок с горохом, а в городских воротах было проделано подозрительное отверстие. К счастью, никто не пострадал, но стражники оказались беспомощны. Тут-то и вышел вперед Влад со своими помидорчиками: те бросились врассыпную по улицам, шустро всё обыскали, нашли следы и улики (правда, никому ничего не показали из-за секретности) и объявили, что налицо угроза террора. Бургомистр был в восторге и немедленно объявил, что отныне у Томатбурга есть защита и оборона (а может, даже и нападение) от террора: отряд помидорчиков под командой Влада. А поскольку в самом городе никаких террористов так и не нашли, то решили, что угроза — внешняя, и бороться с ней надо снаружи города. Вот и назвали спецотряд ПОСАДом — Пакостным Отрядом Специальных Агентов и Диверсантов, чтобы пакостил вероятным террористам по мере надобности и возможности, с мандатом хватать и мутызить кого хочешь, как хочешь и где хочешь. Теперь уже Влад был в восторге.

Жизнь между тем шла себе своим чередом. Бургомистру Харальду быстро надоели заботы о большом городе. Сам он жил — как сыр в масле катался, считал мух на потолке и потихоньку собирая современную живопись. В один прекрасный момент он вдруг решил прореформировать школьную систему города, тем более что детей он сильно не любил. Сказано — сделано. На этом его руководящий запал, правда, иссяк, тем более что в результате реформы вышло нечто уродливое.

¹⁰(Я) нашел! (*εὗρηκα*, греч.) Откуда Влад набрался греческих слов и что именно он тогда нашёл, никто не знает. Но крик был. — *Прим. наборщика*.

¹¹Если читатель знаком с *Первой Историей про Юлю Первую*, то он уж, наверное, догадался, что простолюдины называли так окаменевшего дракона, раздавившего герцога Пом-и-Дора. А если не догадался, то ему же хуже. — *Прим. наборщика*.

Единственное, что удалось на славу, был новый учебник истории. Половину книги занимали красочные описания невиданных (в буквальном смысле слова) битв Харальда со страшными драконами. Последняя глава учебника рассказывала об опустошительном набеге на Томатбург злобной кочевой колдуны Юли и её наглых претензиях стать местной королевой. Заканчивалась книга восторженной одой молодому герою Харальду, который один не устрашился пришлой нечисти и освободил город от напасти. Правда, после выхода учебника в свет были попытки смутить умы жителей: на многих видных местах появились листовки с корявым рукописным текстом. На них было написано: «Харальд — наглое брехло! Юлин подвиг — не оболгать! Слово — не дело! Нечего переписывать историю!»

Жители немного смущались — но в основном потому, что ничего не поняли в этих листовках. На всякий случай они донесли о случившемся стражникам. Те быстро провели следствие: для острастки выпороли доносчиков и нашли свежие мышиные норки рядом с листовками. Тут же были приняты ретивые меры: норки залиты кипящей смолой, листовки содраны и сожжены на месте (часто вместе с домами, на чьих стенах они висели). Кроме того, на другой день в городе откуда ни возьмись появились сотни драных котов с горящими глазами и военной выпряткой. Народ быстро понял, что форточки теперь надо закрывать даже когда все дома — но и это не помогло. Сперва пропадали в основном продукты, но потом пришла очередь и мало-мальски стоящих вещиц, причём их бывшие владельцы стали замечать похожие вещи на прогуливающейся страже.

Короче, дела в Томатбурге пошли шалтай-валай. В воздухе сгустилось ощущение возможных неприятностей. И вот тогда, в один прекрасный вечер Харальд наткнулся во дворе замка на громоотвод, что спускался на землю от самого шпиля с петушком. Тут-то и пришла ему в голову светлая идея завести себе премьер-министра, чтобы занимался хозяйством и за всё отвечал.

Уже на другой день стража согнала народ на главную площадь города и настояла, чтобы все ликовали. Когда радость толпы достигла нужного градуса, на балконе замка появился Харальд и огласил свой указ об условиях конкурса на вакантное место премьер-министра (с которыми читатель уже знаком из рассказа помидорчиков). Поскольку народ до демократии к тому времени всё ещё не дорос, вопросов никто не задавал. Подбадриваемая кончиками пик, толпа снова заликовала, а Влад поспешил разослать своих агентов-помидорчиков по всему городу, на всякий случай подслушивать кто что говорит.

Говорили мало, а всё больше пили, причём не чай. «Что бы дитя не алкало — лишь бы не плакало,» — изрёк на это Влад и успокоился. А в премьеры его вовсе не тянуло: всё, что когда-то плохо лежало, он уже прибрал — а какой же толк в премьерстве, если тырить нечего? Так что Влад уже на другой день и думать забыл о затее Харальда. А вот Харальд — нет.

Время шло, но претендентов на новый пост что-то не появлялось: кто мог бы — не хотел, а кто хотел бы — не мог. Казалось бы, хорошая была идея, а вот поди ж ты, вела прямиком к революционной ситуации. Через несколько дней Харальд решил, что без намёка не обойтись, и что знакомый прохвост лучше незнакомого. Как только на город спустилась тьма, стражники неожиданно ловко извлекли Влада из его особняка. Они быстро проволокли его по брускатым улицам

и представили в слегка потрепанном виде пред светлые очи¹² бургомистра. Тот сидел в герцогском кресле в парадной зале замка и крутил в руках кубик Рубика.

Влад ошарашенно огляделся, откашлялся от пыли, что наглотался по дороге, и хотел было возмутиться. Но не успел: здоровенный стражник тряхнул его за шиворот, и Влад передумал.

— Ну что, намёк понял? — просто спросил его Харальд.

— Да чё я-то? — искренне удивился Влад. — Да я-то чё?? Я ничё! Другие — вона чё, и то ничё!!

— Полно тебе, — поморщился бургомистр. — Чёкалка какая нашлась. Стража!! А ну-ка...

— Я на всё согласный! — перебил его Влад. — Чего изволите?

— Удивиться изволю, голубчик, — потянулся в кресле Харальд. — Условия конкурса объявлены? Объявлены! Раз. Ты документы на конкурс подал? Не подал! Два. Городу премьер-министр нужен? Позарез нужен! Три. Так кого резать будем? Неужто не ясно?

— Ну не стражу же? — ошарашенно спросил Влад. Харальд отрицательно покачал головой. — Та-а-ак, не стражу. Котов не поймаешь, — продолжал размышлять вслух командор ПОСАДа. Харальд опять отрицательно покачал головой.

Влад перебрал всех обитателей города и окрестных деревень, не забыв даже Солнечного Зайчика. Бургомистр немного заскучал и начал невежливо напевать какую-то песенку из репертуара Эдит Пиаф.¹³

— Всё, не знаю больше никого. Ну что, я пойду тогда? — с надеждой в голосе спросил Влад.

— Вот такой-то премьер-министр мне и нужен! — обрадованно воскликнул Харальд. — Знающий, находчивый, и чтоб всегда под рукой. Подавай скорее документы, да не забудь представить точную смету, как ровно миллион долларов потратить!

— Деньги сразу дадите? — затаив дыхание спросил Влад.

— Пинка сразу дадим — чтоб меру знал! — грубо ответил бургомистр. — В три дня не справишься — пеняй на себя. А сейчас стража на тебя попеняет. Приступить. Только не увлекаться!

Стража тут же приступила, но, как ей и было велено, не увлеклась: уже через пару минут Влад оказался на улице. Покряхтывая и потирая намятые бока, он поковылял домой, чертыхаясь и проклиная происки профсоюзов и прочих врагов рода человеческого. Помятая о крадущихся в темноте драных котах, бургомистра Влад решил вслух не поминать.

Что было после этого, мы рассказывать в деталях не будем. Кое-что читатель уже знает, кое-что ему лучше просто не знать, но промежуточный финиш был таков: помидорчики стояли, понуря головы¹⁴, на роскошном персидском ковре в приёмном покое особняка Влада и терпеливо ждали, когда он кончит ругаться. Выражаться Влад научился в том нежном возрасте, когда усвоенные слова пристают

¹²Что правда, то правда: глаза у него были светлые до прозрачности. — Прим. постороннего наблюдателя.

¹³Знаменитая французская шансонье, если кто не знает. — Прим. наборщика.

¹⁴А какая у помидора голова? Автор, по-видимому, имел в виду голово-грудь. — Прим. наборщика.

к человеку на всю жизнь, обрастаю со временем цветастыми эпитетами и глубиной чувства. Так что слушать его было бы даже интересно, если бы не вяли уши. А как ковер был шибко пыльный и помидорчики утопали в нём по грудь¹⁵ по недостатку роста, у них не только вяли уши, но и свербило в носу. Время от времени то один, то другой чихали, что всякий раз вызывало очередной взрыв ругательств со стороны их шефа.

Наконец, Влад немного выдохся и перешел на более нормативную лексику:

— Краснорожие уроды!! Козлы красножопые! Зас...цы!! Вот точно говорят, хочешь чтобы что-то было хорошо сделано — сделай сам!! Ничегошеньки сами не можете сделать! Да даже того же Главного Мышиного Волшебника поймать — и то пришлось драных котов нанимать! Сколько мне это стоило?!

— Не хотим даже знать, шеф! — встрепенулся был Наибольший Помидорчик.

— «Не хотим, не хотим»... Слова-то какие! Нету у вас таких слов, нету!! Ясно?! Вас не спросили, хотите или нет!! Пять своих лучших окороков отдал! Нет, шесть. Или пять? Сколько это будет? — и Влад показал помидорчикам два пальца на левой руке и два — на правой.

— Много, шеф! — с чувством ответил Наибольший. Все остальные выжидающе молчали.

— Вот то-то оно и есть, что много!! Зато — висит сейчас голубчик на своих усах у меня в погребе, за хвост дёрнешь — всё делает, как миленький. А вы на что?!

— Рады стараться!! — выпалил в ответ Наибольший и от усердия даже выпучил глаза.

— Краснорожие уроды!! Козлы красножопые! Зас...цы!! — опять взорвался Влад. — Что мне с вашего старания??

— Не гони волну, командир! — вдруг шагнул вперед Неприметный. Он обернулся к другим помидорчикам и гыкнул: — А ну, братва: *What are we not good for?*

— *Absolutely no-thing!*¹⁶ — гаркнула в ответ братва и подобоченилась.

— Ой, — умилился Влад, расплываясь в улыбке. — Оо-о-ой. Выучили! Уважили шефа. Уважили! Не силён я в языках, а как глобализация придёт, куда мы тогда без языков, а? Теперь не страшно! А ещё?

— *Dov'è il bagno?* — с вызовом спросил свою братву Неприметный.

— *Avanti dritto!* — певуче отозвалась братва.

— *Vorei comprare una saponetta,*¹⁷ — робко добавил Слегка Помятый.

— Ой, — опять умилился Влад, ещё шире расплываясь в улыбке. — А ещё?

— Пока всё, шеф. Будем работать, — заверил его Неприметный. Напряжение спало, Влад утикал слёзы на глазах, помидорчики выдохнули и заметно расслабились.

— А можно, я ещё что скажу? — вдруг спросил Самый Мелкий.

— Валяй! — великодушно разрешил шеф. Самый Мелкий прочистил пальцем горло и забубнил:

Máxima débetúr pueró reveréntia: siquid

¹⁵ А какая у помидора грудь? См. предыд. сноску. — *Прим. наборщика.*

¹⁶ Где наша не пропадала?// Нигде! (англ.) — *Вольный перевод наборщика.*

¹⁷ А где у вас тут туалет?// Пожалуйте прямо!// Мне бы мыльца купить. (итал.) — *Перевод наборщика.*

Túrpe parás, ne tú pueri contémpseris ánnos.
Séd peccáturó obstée tibi filius infans.¹⁸

— Не понял, — ошарашенно произнёс Влад. — Что это было?

— Стих был, латинский, — важно ответил чтец. — Ты сноска посмотри, там всё объяснено.

— Какую ещё сноска? Ты чё? — не понял начальник.

— Да ну внизу страницы, голову свою высунь — вот и увидишь! — и Самый Мелкий ткнул пальцем в сторону читателя.

— Ну да? — не поверил Влад, однако всё же стал пытаться высунуться наружу со страницы. Но ухватиться было не за что, так что попыхтев немного и ничего не достигнув, он махнул рукой. — Да ну тебя, пустомеля. Что за стих-то?

— Классиков знати надо, начальник!

— Энгельс, что ли? — обрадованно догадался Влад.

— Ну, — не очень уверенно подтвердил Самый Мелкий.

— Хрен с ним, с Энгельсом, — вмешался в учёную беседу Неприметный. — Шеф, а серьёзно, дерни ты эту свою крысу за хвост, пусть она у Юли ту бумагу, про миллион-то, сблямзит!

— Да дёргал уже, — досадливо отмахнулся Влад. — Не даёт бумагу. Говорит, радиуса действия у него не хватает.

— Вот гад, — удивился Наибольший. — Заднюю стенку у холодильника снять радиуса у него хватает, а бумажку стырить, вишь, не хватает!

— А выдергивать у него усы, по одному — пробовал? — по-деловому поинтересовался Неприметный.

— Да я что, садюга какая?? — удивленно ахнул командор ПОСАДА. Помидорчики тактично промолчали. Не дождавшись возражений, Влад вздохнул и продолжил:

— Есть ещё какие предложения?

Самый Мелкий громко почесался, сдавленно кашлянул от пыли и поднял руку.

— Что, тебе тоже в туалет надо? — сочувственно спросил его Слегка Помятый.

— Зас...цы!! — опять вскинулся было Влад, но Самый Мелкий досадливо отмахнулся от жалостливого помятого помидорчика и сам рявкнул:

— Да что ты всё об одном и том же, Шеф! Идея есть!

Все повернулись к Самому Мелкому и обратились в слух.

10 Западня

Самый Мелкий выдержал паузу и, приподнявшись на цыпочки, по-заговорщики спросил Влада:

— Если Магомет не идет к горе, то?

— То что? — не понял Влад.

— Как что? — удивился Самый Мелкий непонятливиости шефа. — Тогда что?

— Ну ясное дело что, тогда Магомет не идет к горе, и всё тут, — в свою очередь удивился недогадливости помидорчика Влад.

¹⁸Мальчику нужно внимание великое: если задумал //Что-либо стыдное ты, не забудь про возраст мальчишки://Пусть твой младенец-сын помешает тебе в преступленье. (Ювенал, «Сатиры», XIV, 47–49. Пер. с латин. Д. Неловича и Ф. Петровского.)

— Да не всё!! Мудрость есть такая, восточная. Давай с начала. Если Магомет не идёт к горе, то...

— То Магомет идёт к реке! — обрадованно выпалил Влад.

— Почему к реке? — ошарашенно спросил Неприметный.

— Ну, жарко Магомету, освежиться захотелось, попить, — снисходительно разъяснил Влад. — Ну и умный мужик, Магомет этот твой! В жару у реки всяко лучше. Недаром говорят, умный в гору не пойдёт!

— Чтоб в гору пойти, ума много не надо, — вдруг вклинился Слегка Помятый.

— Нужно нездоровое честолюбие, нахальство и чтоб блат был!

— Это он что, на меня намекает, недодавленный? — начал баగроветь командор ПОСАДа.

— Да нет, это тоже восточная мудрость! — поспешил успокоить его Самый Мелкий. — Ты не отвлекайся, Шеф. Давай ещё раз: если Магомет не идёт к горе, то...

— То он идёт к лесу! — опять обрадовался своей догадливости Влад.

— Да что он, Красная Шапочка, чтобы в лес идти? — не выдержал Наибольший.

— Магомет он!

— Да идите вы со своей горой! И зачем я с вами, образинами, время своё теряю? — удивился командор ПОСАДа. — С поганцами такими — ну точно что тот злыдень двухголовый. И то: яблоки от яблони недалеко падают! Да и какие вы яблоки? Тьфу! — и он в сердцах плонул на стоящего ближе всех к нему Неприметного Помидорчика. Тот от неожиданности упал, но не разబился, а рассмеялся и подал голос с ковра:

— Пальцем в это самое место попал, шеф! В небо, то есть. Мы яблоки, да не простые, а золотые! Доподлинно известно, что слово «помидор» происходит от итальянского pommo d'oro, что и значит «яблоко из золота»!

— Да не золотые вы, а золотушные! — съязвил Влад,

— Да о чём базар-то? — возмутился Самый Мелкий. — Яблоки или тыблоки, из золота или ещё какой дряни, какая разница для Магомета, если он не идёт к горе??

— Не скажи, — рассудительно отозвался Неприметный. — При нынешних ценах на золото и Магомет задумался бы, особенно если в горе руда какая есть. Сейчас все говорят, что надо в металлы инвестировать, в никель там или медь...

— Что, в твой медный лоб, что ли? — усмехнулся Самый Мелкий. — Никакой в вас мудрости нет, ну нисколечко! Если Магомет не идёт к горе, что гора идёт к Магомету, вот и всё! Ясна идея?

— Голова!! — ахнул Наибольший. — Вот как, вся гора, с золотом, к нему и идёт!!

— Вот так вот и идиот, — обреченно подтвердил Самый Мелкий.

— Так ты что это, гипреболой заговорил? Или нет, эмфиземой? — вдруг приободрился Влад. — Погоди-погоди!! Да это же совсем другое дело. Это хорошее дело. Так ты у меня затейник, оказывается, а?

— Хоть горшком назови, только в печку не ставь, шеф! — ожил в ответ на ласку Самый Мелкий.

— Ты эта, насчёт горшков лучше не напоминай, — поморщился¹⁹ Влад. — Не нравится тебе затейник, будешь подельник. Замётано?

— В натуре, шеф! — поспешил исправиться помидорчик.

— Вот всегда он так, — недовольно пробурчал Наибольший. — И на кусте-то он, недомерок, ближе всех к солнышку висел...

— На что оно тебе, это солнышко? Жара одна от него, да сухость во рту, — скривился Неприметный. — У нас Шеф есть, — и он кивнул на Влада. — Вот оно, наше солнышко!!

— А ведь как верно говорит... Лучше солнышка любого... Что нам солнышко — оно ж днём светит, когда и так светло... А шеф-то и пригреет, и приголубит, а если надо, так и из кутузки вызволит, — одобрительно загудели остальные помидорчики.

— А если затрецину какую даст, так то по делу. И ведь аккуратно даст, даже шкурка не лопнет! — восхищенно перебил всех Слегка Помятый. И вдруг заголосил:

— Да здравствует!! Да здравствует будущий премьер нашей великой дыры... страны то-есть, а там глядишь — и император Влад Первый Помидороносный!! Держите меня, братцы, у меня восторг пошёл!!! — и с этими словами Слегка Помятый закатил глаза, повалился и стал кататься по ковру. Остальные помидорчики тут же окружили повалившегося собрата и стали пинками подправлять направление его катания, удерживая Слегка Помятого внутри образовали ими круга и подбадривая друг друга грубыми выкриками.

— Чш-ш-ш!! — зашипел на них Влад. — Совсем ополоумели!! Да за такие речи, если кто слышал, возьмут нас тотчас за красны рученьки, да на дыбу, за государственную измену и заговор!

— Но ведь всё равно приятно такое услышать, Шеф? — поинтересовался Неприметный.

— Приятно, — согласился Влад. — Но преждевременно. Тише едешь — больше стыришь. Кстати, о деле: так как ты говоришь, придёт гора-то?

— Придёт, а то и прибежит, — подтвердил Самый Мелкий. — Надо только стимулу дать. Чтоб задело! На крысу не клюнет?

— Да не, может не клюнуть. Вот был тут, помнится, дружок у неё. Тот ещё умник: пуд гвоздей у него тяжелее пуда пуха. Жаль, не расколотили его у меня на кухне,²⁰ — задумчиво произнёс Шеф. — Странный такой, всё у него не как у других. И кличка у чувака была странная: дядя Ёлкин, что ли...

— Ух ты! — ахнули помидорчики. — Да неужто тот самый??!

— Да нет, — досадливо отмахнулся Влад, — *тот самый* тогда уж президентом где-то сидел. Наш-то фрукт похитрее: то с четырьмя руками ходил, то белой вороной. Да кто ж это был-то, кто??

— Вот хрен беспамятный, а туда же, в премьеры... — еле слышно буркнул Неприметный. — Кто-кто, дед Пихто, вот кто!

— Точно! Он самый! — подпрыгнул Влад. — Дядя Пихто, вот как его звали! А ты-то откуда знаешь, тебя же ещё не было? А?! Говори!

— Рад стараться! — нашёлся Неприметный. Это сработало: его пронесло.²¹

¹⁹ См. *Первую Историю про Юлю Первую*, главы 21 и 22. — Прим. наборщика.

²⁰ См. *Первую Историю про Юлю Первую*, главы 18–20. — Прим. наборщика.

²¹ Читатель! Не в том смысле, что ты подумал. — Прим. наборщика.

Шеф сразу же потерял к нему интерес, заложил руки за спину и грузно заходил по комнате из угла в угол, поднимая клубы пыли с ковра. Пыль оседала неравномерно и всё норовила покрыть помидорчиков как можно более толстым слоем. Те незаметно отряхивались и изо всех сил сдерживались, чтобы не чихнуть и не вызвать новый взрыв гнева Влада. Пауза затягивалась, першение пыли в горле становилось всё непереносимее. Первым не выдержал Наибольший Помидорчик. Он оглушающе громко чихнул и тут же рявкнул на всякий случай в спину проходящего шефа:

— Рад стараться!

— А? — вздрогнул тот как от удара и остановился. — О чём это я?

— Не могём знать! — заученно ответили помидорчики. Влад расплылся в улыбке, потёр руки и подобоченился:

— Молодцы! Толково отвечаете. Моя школа! Слушай боевой приказ: найти этого самого Дядю Пихто, или как там его теперь. Поймать! Схватить! Скрутить! В подвал голубчика! А Юле — тотчас записочку: так и так, мол, висит известный вам Дядя Пихто у нас в подполе головой вниз на жердочке и качается. Коли вам его жалко...

— А чё ты с этой Юлей так канителишься-то? — вдруг перебил его Наибольший.

— Вот ёщё, «выкать» ей!

— Ну, как-никак почти королева была, — развёл руками Влад. — Этикет велит. Номенклатура — она навсегда номенклатура. Вам, отбросам, этого не понять. Да, так вот: коли жалко его, милости просим к нам, с точной росписью как этот самый чёртов миллион потратить!

— В двух копиях, — подсказал Неприметный.

— Во-во, в трёх копиях, — обрадовался правильной мысли Влад. — Три миллиона тогда потратим! Осваивать — так осваивать. Ну, а уж мы её тут встретим, мало не покажется.

— Записку сам напишешь, Шеф? — поинтересовался Наибольший.

Влад хмыкнул и ткнул пальцем в Самого Мелкого:

— Вот этот напишет. Да смотри, чтоб не на латыни писал, грамотей.

— Да я только по латыни-то и могу, — вздохнул Самый Мелкий.

— Бабай с тобой, пиши на латыни, только понятно, — отмахнулся от него Влад.

— Всё ясно? Исполнять!

— Адрес, приметы, — деловито спросил Неприметный.

— А Интернет на что? — удивился нелепости вопроса Шеф.

— А кто ж его знает, — недоуменно развели руками помидорчики.

— Да? Ну, тогда, тогда... Тогда дерните крысу в подвале за хвост — всё расскажет! — нашёлся Влад. — Налево-кругом-марш!

Помидорчики обрадованно загудели, обсуждая кто будет первым дёргать Великого Мышиного Волшебника за хвост, и повалили к выходу из покоя. Они прошли совсем близко от большущего камина, но не увидели затаившихся в нём Красного и Коричневого карандашей-разведчиков.

— Вишь ты, и эти записочки для Юли собрались писать, — прошептал Коричневый своему напарнику в ухо. — А мы уже!

— Чавой-то мы хуже? — прошипел в ответ Красный. — Небось, наша записка не хуже. Как Юля прочитает, небось сразу сюда намылится, нам помогать!

— Занебоськал, тетеря... Ты чему радуешься-то? — насупился Коричневый карандаш. — Что наша записка, что помидорья, как ни крути — дрянь получается. Западня получается.

— Западное чаво? — опять не расслышал Красный, но тут же встрепенулся. — Всему западному бой! Не надо нам ничего западного.

— Не надо, так не надо, — говорчivo согласился Коричневый. — Пошли до наших, домой пора!

— Бр-р-р... — съёжился Красный. — Опять через холодильник лезть...

— Говори спасибо, что камин не разожжён. Ну, давай, пошли уж!

— Спасибо, — охотно сказал Красный, — и за счастливое детство спасибо! — и он поспешил вслед за уже исчезающим в глубине камина Коричневым карандашом. Закопчённая задняя стенка камина задрожала перед ними и растворилась в мягкую шевелящуюся чёрноту, на которой зажглись яркие звёзды. Карандаши закрыли глаза, взялись за руки и стремглав бросились вперёд. Черный занавес с готовностью заглотил их, булькнул и, задрожав, опять превратился в стенку.

11 Снова на кухне

Только совсем тупой читатель мог ещё не догадаться, что наши карандаши воспользовались тем же ходом в мир иной, которым уже во-всю пользовались помидорчики. Создан был этот ход Великим Мышиным Волшебником под угрозой потери его чудодейных усов. Устроен он был очень просто. Пара невнятных магических заклинаний соединила два мира друг с другом через задние стенки двух бытовых приборов: отопительного (камина в особняке Влада в Томатбурге) и охладительного (на кухне дома у Юли), как того и требовал закон сохранения энергии. Звёзды появились на волшебном чёрном занавесе по ошибке: Великий Мышиный Волшебник, как известно, картавил, так что и заклинания у него были дефектные. Но как ход исправно работал, то все решили, что так оно и надо. Поэтому дерганье за усы и хвост в подвале особняка на время прекратилось.

Как и всякое волшебство, ход этот был не для всех. Читатель, наверное, уже давно заметил, что для того чтобы воспользоваться чем-то волшебным, надо либо знать пароль, либо нагло идти напролом. Помидорчики-то пароль знали, да и наглости им было не занимать, а вот у карандашей альтернативы для второго способа просто не было. После мозговой атаки, захлебнувшейся на первой же минуте, было решено пойти опытным путём. После ряда попыток было экспериментально установлено, что:

- 1) если тихо подкрасться изнутри к задней стенке холодильника и попробовать проникнуть через нее силой, то можно сломать себе грифель;
- 2) если потеряться об эту стенку с закрытыми глазами, приговаривая «Чтоб тебя нелёгкая...», а потом со всей дури хватить по ней кулаком, то можно сломать себе и кулак, и грифель;
- 3) если с разбегу броситься на эту стенку с криком «Кья!!», то волшебный проход чудесным образом откроется прямо внутрь камина в каком-то странном старинном здании;

4) такой же нехитрый прием срабатывает и противоположном направлении и позволяет попасть из камина обратно в холодильник.

Когда запыхавшаяся Кисточка принесла Твёрдому Карандашу весть о сделанном открытии, тот расцвёл и немедленно продекламировал такой стих:

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...²²

Пока группа отчаянных карандашей билась над загадкой перехода в иной мир, Твёрдый Карандаш был занят планированием операции и оснащением своего отряда. Планирование шло в тяжких раздумьях: в поставленной задаче было много неизвестных, а уравнений не было вовсе, только неравенства (ясно дело, Синий и Коричневый карандаши оказались менее заметны в темноте, зато Красный был понастырнее, но глуховат). Оснащение состояло в сволакивании в кучу всего что плохо лежало и было подъёмным для скромных карандашиных возможностей. Собранный материал сортировался опытной Точилкой на предмет выявления режущих и колющих предметов. Последние немедленно испытывались на Ластике.

Не прошло и часа упорных поисков, как у ног Твёрдого Карандаша лежало несколько швейных игл пугающего размера, три канцелярские скрепки неизвестного происхождения, пара кусочков битого стекла и одна нехлопнувшая хлопушка. Последняя сразу же стала гордостью арсенала — её даже не стали испытывать на Ластике. В это-то время и появилась Кисточка с долгожданной вестью и парой карандашей, вернувшихся из разведки и нуждавшихся в помощи Точилки. Твёрдый Карандаш взобрался на подвернувшегося Ластика (тот всё ещё пах палённой резиной и вообще старался теперь держаться подальше от своего бывшего всадника, но сейчас попался) и свистнул в два пальца. Все сбежались и сгрудились вокруг Ластика с взгромоздившимся на нём Твёрдым Карандашом, но всё продолжали оживлённо обсуждать как использовать гребень для волос в военных целях.

— Цыц вы там! — не выдержал пустопорожней болтовни Красный Карандаш. Ему было легко цыкать: будучи в разведке, он ещё не осознал сколь скучен был собранный арсенал. — Командир речь держать будет!

— Как держать? За что держать? Ты чё? — ошалел Синий. — Разве ж её удержишь? Речь — ведь она струится, что твоё серебро!

— Нет у меня никакого серебра, — насупился Красный. — Бессеребренник я! А и было бы, куда ему струится? Звенеть в кармане — это ещё куда ни шло...

— Коли ты бессеребренник, так небось и бесштанник, какой у тебя карман? — беспактно оборвал его Синий. — А кабы и звенело, всё равно нельзя речь удержать. Ведь как говорят: слово — не воробей, вылетит — что в лоб, что по лбу, а журавль в руке всё лучше чем воробей на печи, вот и не удержишь! — торжествующее заключил он уже в полной тишине. Всё шушуканье прекратилось,

²²А.С. Пушкин. Впервые опубликовано В.Е. Якушкиным в описании рукописей поэта в журнале *Русская Старина*, 1884, ноябрь, стр. 349. Датируется предположительно концом декабря 1829 г. — Прим. наборщика.

и собравшиеся ошарашенно уставились на довольно озирающегося по сторонам Синего Карандаша. Кто-то тихо произнёс: «Его и слюнявить-то не надо, вона как понесло...»

— Вот ведь паразиты, — с чувством нарушил затянувшуюся паузу Твёрдый Карандаш. — О чём это я? Совсем сбили! Как с вами речь без бумажки произносить, а?

— Вот и не удержал! — радостно отметил Синий, но тут же получил тумака по хребтине, обиженно наступил и пробурчал что-то о местах, куда без бумажки точно соваться не надо.

— «О сколько вам открытых чудных...» — тихонько подсказала Кисточка.

— Готовит освещенья ду-у-у-х... — вдруг гулко зашелестело и задуло откуда-то из темноты сверху. Под потолком вспыхнула лампа дневного света, и внутри неё заметалось и захохотало что-то красное и косматое, но уже через мгновенье всё погасло.

— Ай!! — закричал шёпотом впечатлительный Синий Карандаш, и все присели от испуга.

— Что это? Что это было? Было это что?? — также шёпотом зачастила Кисточка.

— Ничего! — оправился первым Твёрдый Карандаш. — Провокация вероятного противника! Тёмные предрассудки веков. Проще говоря, нам показалось.

При этих словах все облегчённо вздохнули и расслабились, а попугай Козя вынул голову из-под крыла и показал непонятно кому язык. Только Ластик скептически хмыкнул и пробурчал себе под нос: «Показалось ему... Всё равно надоть Лёню-электрика позвать, может это пускатель шалит...»

— Теперь к делу, — резко поменял тему Твёрдый Карандаш. — Где наши доблестные разведчики?

— Си-и-ичас, — сдавленно отозвался Коричневый из пасти урчащей Точилки. — Уффф! — и он довольно откатился от неё по полу, трогая на ходу свой заточенный кончик. — Ой, колется!

— Ну? — нетерпеливо наступил брови Твёрдый.

— Начинайте без меня, я скорёхонько, — бросил на ходу Красный Карандаш, засовываясь в свою очередь в точилку. Кисточка фыркнула и отвернулась. Все обратились к Коричневому Карандашу.

— Ну, братва, — начал тот, утерев повлажневший от волнения нос, — мы влипли!

— То есть?? — потребовал объяснений Жёлтый.

— А то, что фишку криво легла: вместо чудных открытых готовят нам западню!

— Да не нам, а Юле! — пребил его уже заточенный Красный. — И потом, что ты всё время Запад помянуть норовишь? Пошто он нам?

— А что, востокню нам готовят, да? — огрызнулся Коричневый. И он вкратце рассказал услышанное ими из камина в доме достоверного противника.

— Интересно, а что они там в свой записке понапишут? По латыни... — задумчиво поинтересовался Зелёный Карандаш. — Да ешё чтоб вот так Юля сразу взяла и прибежала! Ведь пока её дома дозвутся...

— Постойте! — спохватился Жёлтый. — А наша-то записка где?

— Она тово, — гордо доложил Голубой Карандаш. — Я её под дверь Юлиной комнаты просунул, еле пропихнул! Что твоё пчелиное жало: обратно не вытащишь.

— А что в ней написано-то — кто поймит? — не отставал Жёлтый. В группе карандашей произошло смущение. Все стали вспоминать, но вспомнить никто не мог. Пауза затянулась.

— Начальник! — вдруг сообразила Точилка, поворачиваясь к Твёрдому Карандашу.
— Твоя писала! Ты-то помнишь, что накалякал?

— Увы! — сокрушенно развел руками тот. — Вдохновение, это такая штука, иной раз с три короба наврёшь, так разве всё упомнишь. Я же в академиях не обучался...

— Знаете что, — вступил осмелевший после такого признания Ластик, — пока не забыли, давайте ещё записку напишем. Ну, чтоб электрика позвали, насчёт пускателя...

— Да отстань ты со своим писателем, — напустился на него Коричневый Карандаш.

— Ты же слышал: не было ничего, показалось нам! — но не успел он это сказать, как лампа на потолке опять вспыхнула, ослепив на мгновение наших испуганных героев и медленно угасла, залив напоследок кухню мерцающим красным светом.

— Лёня! — шёпотом позвал Ластик. — Мне страшно! Это не пускатель.

— И-и-и-и... — вдруг заскрипело у них над головами. Это медленно открылись дверцы висящего на стене кухонного шкафа. Все оцепенели от страха. Внутренность шкафа была ещё чернее чем ночная мгла на кухне: казалось, это страшный зверь развязил свою пасть.

— Мамочки, жуть-то какая, — дрожащим голосом промямлила Кисточка.

12 То ли ешё будет

— То ли ешё будет, ой-ой-ой!! — хохотнуло в ответ гулко из шкафа. — Да не бойтесь вы!! Подумаешь, Духа Освещения испугались! Он же в лампе сидит, запаянный!

— Ну и что, что в лампе! Я просто духов на дух не переношу! — распалилась Кисточка. И тут же спохватилась: — А вы-то сами — часом не дух будете?

— Ни часом, ни минутой! — весело ответил голос из шкафа. — И даже не духовного звания. Я простой кухонный Шкафовой.

— Короче, тоже нечисть, — авторитетно сообщил всем Красный Карандаш.

— Это чегой-то нечисть? — обиделся Шкафовой. — У меня тут всё прибрано, протёрто, даже моли уж месяц как ни одной не было. Давеча, правда, чуть было не нагадили мне тут... Эти ваши томаты, чтоб их подавило скалкой поганой!

— А что ж они у тебя там делали? — сразу оживился Твёрдый Карандаш.

— Да ничего не успели сделать, слава Домовому! — ответил голос из шкафа. Ребятки, я вам вот что скажу: засиделся я в шкафу этом, да и года мои уж не те, петлями скрипеть. Возьмите вы меня с собой в тот камин, ну про который вон этот всё говорил, — и с этими словами из шкафа высунулась длинная рука и ткнула пальцем в Коричневого Карандаша. Тот не устоял и шлёпнулся на пол.

— Зачем это тебе? — подозрительно спросил Красный. — Тоже на Запад захотелось?

— Как это зачем? — опешил Шкафовой. — В камине настоящий огонь разводят, сквозняки свистят, сами домовые туда часто наведываются, так что почаще на глазах у начальства буду. Одним словом, преспективное место! В гору пойду. Такая возможность!!

— А ну как там уже сидит кто... Каминный какой-нибудь, — поинтересовался рассудительный Твёрдый Карандаш.

— Да не, не сидит, — отмахнулась всё ещё торчащая из шкафа рука. — У нас не сажают — если нашкодит кто, так сразу в распыл, а то и в таракана превратят. Потом, кабы и был там кто из наших, он бы орлов этих (тут рука опять собиралась ткнуть в Коричневого, а заодно и в Красного Карандашей, но те во-время увернулись) с ног до головы сажей уделал бы, ажник грифеля б почернели!

— Ну ты прикинь! — возмутился всё время молчавший до этого Чёрный Карандаш.

— Это зачем же это делать? Нам одного чёрного карандаша хватит!!

— Да ладно тебе, — фыркнул Коричневый. — Мало ли что бывает. Если растопчут тебя или зажуют вместе с грифелем — что, прикажешь за тушью бежать?

— Не время! — гаркнул на них Твёрдый Карандаш. — Не время и не место препираться из-за такой мелочи! — При этих словах Чёрный Карандаш ахнул, но сдержался. Он только скрежетнул грифелем и показал Коричневому свой чёрный кулак.

— А из-за чего препираться время и место будет, начальник? — любопытно поинтересовалась у командира Точилка.

— Будет время и место для жестокой перебранки с лютым врагом! — пообещал Твёрдый Карандаш. — Подробности по мере надобности. Теперь, — и он обратился ко всем ещё открытому шкафу: — Гражданин Шкафовой, а чего ж ты сам в тот камина не отправишься? Скатертью дорога...

— Не можно, начальник, — ласково отозвался Шкафовой. — У нас как: где тебя поставили, там и служи! И ни гу-гу-гу. То-есть, «бу-бу-бу-у» или ещё что там можно, но это только если по службе надо, клиентов пугать. А чтобы на повышение куда — так это в другой дом документы подавай, отзывы на себя сочиняй... Канитель! Да и кто на меня здесь отзыв-то подпишет? — и из темноты шкафа шмыгнуло носом.

— Ну да-а-а... — сочувственно протянул Твёрдый Карандаш. — Ну, а мы-то, мы-то тут причём? Отзыв на тебя надо написать?

— Да нет, — рассмеялся Шкафовой. — Тут вот какое дело: я хоть сам по себе перейти не могу, но трети лица меня перенести могут. Ну, скажем, по ошибке, вместе с похищенным по моему месту работы имуществом. Это force majeure называется...

— Ах ты паразит! — чуть не задохнулся от возмущения Красный Карандаш. — Так мы что, ради твоего форс-ворюгами должны заделаться? Расхитителями?? А ну, дайте-ка мне... — и он начал озираться вокруг в поисках чего-нибудь тяжёлого.

— Эй-эй-эй!! Зачем так горячиться, а? — удивился Шкафовой. — А что, вы это всё разве не утащили? — и рука из шкафа показала на собранный карандашами арсенал.

— Ну утащили, — неохотно согласился Красный, всё ещё тяжело дыша и пытаясь найти подходящий предмет. — Но это же на правое дело, это ж не на продажу!

— На правое, на левое... Да кто же у тебя это добро-то купит, — фыркнул в пол-голоса весь исколотый в ходе испытаний арсенала Ластик.

— Купит, купит! — также в пол-голоса возразил ему стоящий рядом Коричневый Карандаш. — Давеча по телевизору говорили, Джорджия какая-то всё скупит. Особенно ракеты, — и он показал грифелем на хлопушку и, немного подумав,

добавил: — Во скаженная. Правда, ещё сказали, не факт что заплатит...

— Ну так и прихватите ещё что-нибудь из моего шкафа для правого дела, и меня заодно! — довершил в это время свою мысль Шкафовой.

— Да я тебя и за два прихвачу! — вскинулся опять было Красный, но Твёрдый Карандаш властно поднял руку, и все замолчали.

— Ну хорошо, прихватим мы тебя не за два, а заодно, — обратился Твёрдый к Шкафовому. — Какой прок нам с этого будет?

— Как какой, — опешил обитатель шкафа. — А доброе дело сделать?? Бескорыстно? Слабо, да?

— Доброта моя беспредельна, — просто ответил на это его собеседник. — Но нам нужна взаимность!

— Ой, как это романтично! — восхитилась Кисточка.

— Не столько романтично, сколько практически, — покраснел немного Твёрдый Карандаш. — Повторяю вопрос: нам с этого какой интерес будет?

— Семь процентов — пойдет? — уже по-деловому спросил Шкафовой.

— С чего? — опешил Твёрдый.

— С дыма, что из моей каминной трубы идти будет.

— Соглашайся, начальник! — подал голос Коричневый Карандаш. — С поганой трубы хоть дыма клок.

— Всегда полезнее делать то, что способствует укреплению дружбы, — вставил древнюю мудрость Голубой.

— Хоккей, — согласился Твёрдый Карандаш. — Так и быть, прихватим тебя. Но как ты есть существо трансцендентальное, несколько потустороннее, чтоб на период вооруженного конфликта сидел в том камине что твой демон Максвелла: наших пущать, а ихних — ни-ни! И смотри у меня: уговор дороже денег!

— А если брильянтами искушать будут? — в пол-голоса поинтересовался дотошный Ластик, но его опять проигнорировали, так что он буркнул вдогонку:

— И что им смотреть у тебя? Чай, уже видели всё...

— Век воли не видать! — заверил карандашей в свой верности Шкафовой. — Забирайте меня со всеми потрохами!

— Нам бы лучше пороха вместо твоих потрохов, — отозвался на это Красный.

— А то пока как та скульптура: булыжник — оружие пролетариата.

— Так у меня тут поп-корн есть! — обрадовано сообщили из шкафа. — Сам взрывается, что твой порох! И вони с него... Вот, тащите его, и заодно меня прихватите, всё по закону будет!

Так и сделали. Карандаши скрёхонько соорудили из себя шаткую пирамиду, поднявшуюся сперва на стол, а потом и выше — до шкафа. Шкафовой сперва передал им пожелевший пакетик с грозным поп-корном, а потом и сам вывалился, завернувшись в шуршавший пластиковый мешочек («Чтоб дам не смущать», лаконично пояснил он по прибытию на пол).

— Ну мы крутые! — подытожил смелую операцию Твёрдый Карандаш. — Теперь перейдём к выработке плана кампании. Какие есть предложения? Только попрошу без дури!

13 План без дури

Первым взял слово Жёлтый Карандаш:

— План будет простой: промедление опасно! Надо внезапно ошеломить противника и сократить... Тыфу, сокрушить его! Силой или хитростью! Огнём и мечом! Метлой и совком, вот.

Красный Карандаш невежливо хмыкнул и поинтересовался:

— У тебя меч есть? Нет. У тебя огонь есть? Тоже нет! Что, хитрость у тебя есть? Про силу я и не говорю. Ну ведь просили: без дури! Тоже мне, совок...

— А щекотаться можно? — застенчиво поинтересовалась Кисточка.

— Можно, — уверенно подал голос Коричневый Карандаш. — Только без дури и ниже живота не бей, а то испачкаешься.

— Ы-ы, — негромко подала голос Точилка.

— Ну? — поинтересовался Твёрдый.

— Разборка есть разборка. Без базара, начальник, — развила свою мысль Точилка и опять замолчала.

— Ну? — опять приободрил её карандашный командир.

— Чё ну-то? — удивилась та. — Зови их на стрелку, без базара.

— Ну и? — не понял Твёрдый.

— Чё ну и-то? — опять удивилась Точилка. — Всё у меня.

— Весь план? — уточнил командир. Точилка кивнула и с победоносным видом оглядела окружающих. Все задумались.

— А чё, хороший план, — прервал затянувшуюся паузу Зелёный Карандаш. — Мне нравится...

— Зелен ты ёщё! — грубо оборвал его Красный Карандаш. — Ишь ты, нравится он ему. Тут поду-у-умать надо, обмозговать как следует! Эскиз сперва набросать, потом детали прорисовать. А то — нравится. План — он что, девка красная, чтоб тебе нравится?

— Это тебе, может, красная девка нравится, а по мне и зелёная хороша! — отрыгнулся Зелёный. — Ну чё он лается? Ну ведь и впрямь же план хорош!!

— Хорош, хорош, — покровительственно согласился Твёрдый. — Молодец, Зелёный! Есть у тебя стратегическое видение. Одна беда: дури в этом плане многовато.

— А где её мало? — опешили другие карандаши хором.

— Согласен, — охотно согласился их лидер. — Но в данном случае на карту будет поставлена моя жизнь и, возможно, самая репутация...

— И это всё?! — скривился при этих словах Ластик. Но и этого никто не заметил, и Твёрдый Карандаш продолжил:

— Промахов²³ больше быть не должно! Есть ёщё какие предложения?

— Ошибок больше быть не должно! Опечаток больше быть не должно! Отпечатков больше быть не должно! Пьянству бой! — обрадовано затараторил Оранжевый Карандаш.

— Эй, придержи конягу! — прервал поток дельных предложений Жёлтый. — Куда тебя понесло? Это что — план кампании?

— Да! — коротко ответил Оранжевый и замолчал.

²³См. выше Главу 4. — *Прим. наборщика.*

— Хорошо сидим, — вздохнула Кисточка.

— Тише едешь — дальше будешь! — довольно прокомментировал ситуацию Голубой.

— Все там будем, — мрачно отозвался Коричневый. — Так что, пойдем им без плана морду бить?

— Не-е, без плана никак нельзя, — запротестовал Жёлтый. — А вот, я придумал! Давайте для начала зашлём к ним опытного провокатора-диверсанта. Он распустит пугающие слухи и перережет им все коммуникации. После этого мы бросим в бой главные силы, — и Жёлтый показал на Точилку и Ластика. — Они раздавят противника и... Собственно, у меня всё.

— Уже теплее! — оживился Твёрдый Карандаш. — Кого предлагаете заслать?

— Это же элементарно, Ватсон!²⁴ — улыбнулся Жёлтый. — Провокатор должен смешаться с туземцами, иначе его быстро разоблачат, так? Так. Значит, надо послать того, кто больше всех смахивает на помидорину, так? Так! Помидоры, они какие? Правильно, красные! — и Жёлтый ласково улыбнулся Красному Карандашу.

— Ты спятил, да? — поинтересовался тот. — Ну как я с ними смеяюсь?? И потом, с чего это я опытный провокатор? Сам ты провокатор. Это ты меня спровоцировал! — и Красный без размаха сунул кулаком в серёдку Жёлтого Карандаша. Тот ойкнул и согнулся пополам.

— Прекратить междуусобицу!! — вдруг рявкнул Твёрдый и напустился на Красного:

— Ты рукам волю не давай, понял? Сейчас нам каждый грифель важен!

— Бей своих, чтоб чужие боялись! — неожиданно поддержал Красного Коричневый Карандаш. — Опять же, практика. Мородобой без плана, что характерно!

— Умеющий гнев сдержать позорных дел не совершил,²⁵ — завершил обсуждение инцидента командир. — И потом, кто в гневе мягок, тот умней гораздо.²⁶

— Слова твои мёд ушам нашим, — охотно согласился Голубой. — *Omnia vincit amor!*²⁷

— Амур, амур... Право, как романтично! — всплеснула руками Кисточка, но тут же испуганно вскрикнула и присела. И было отчего: по кухне вдруг пронёсся вихрь, воздух внезапно загустел и стало трудно дышать. А потом прямо над нашими героями что-то охнуло и засветилось — и это что-то оказалось длинным мышиного вида носом со свисающими вниз усами. Свечение немного усилилось, и все увидели продолжение носа — висящего вниз головой здоровенного мыши в засаленном халате.

— Юлю газбудите, — прокартавил мыш, — а то у меня кегосин скоро кончится... За усы только чуг не дёгать!

— Да сдались нам твои усы! — первым оправился Зелёный Карандаш. — Небось, ешё в соплях все! Нету тут никакой Юли, ошиблись адресом, господин хороший.

— Юлю газбудите, — повторило видение и немного померкло.

— Ба, да ведь это, наверное, сам Великий Мышиный Волшебник! — вдруг дошло до Коричневого. — Это же его помидорчики за хвост пошли дёргать! Погоди,

²⁴За Шерлока Холмса читали? — *Вопр. наборщика*.

²⁵Как говорил Менандр (ок. 343–291 гг. до н.э.). — *Прим. наборщика*.

²⁶Как говорил Тит Макций Плавт (ок. 254–184 гг. до н.э.). — *Прим. наборщика*.

²⁷Любовь побеждает всё! (*лат.* Вергилий, «Эклоги», X, 69.) — *Прим. наборщика*.

да ведь тебя за усы подвесили — что, уже сняли?

— Юлю газбудите, — уже еле слышно сказал Волшебник и ещё немножко потемнел.

— Бегу, голубчик, бегу!! — засуетилась чувствительная Кисточка и бросилась вон из кухни. Остальные тоже начали приходить в себя

Продолжение (кажется) следует²⁸

²⁸Обещанного три года ждут. — *Прим. наборщика.*